

Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова

Н. М. Багновская

**СЕВРЮКИ:
население Северной земли
в XIV—XVI вв.**

Научное издание

Издательство «Палеотип»
Москва, 2002

УДК 338.43.02.(91)(470.30)
ББК 63.3(2)
Б 14

Рецензент:

А. К. Швидько, доктор исторических наук, профессор.

Б 14 **Багновская Н. М. Севрюки: население Северской земли в XIV—XVI вв.:** Научное издание. — М.: Издательство «Палеотип», 2002. — 48 с.

ISBN 5-94727-007-2

Анализируется история формирования и развития населения Северской земли в XIV—XVI вв. Чернигово-Северские княжества этого времени находились, с одной стороны, в эпицентре борьбы Великого княжества Литовского (а затем Польско-Литовского государства) и Московского государства за наследие Древней Руси, с другой, — на рубеже с полукочевым и кочевым миром южнорусских степей. Немногочисленные источники XV—XVI вв. говорят о местных жителях края — севрюках. Вопросу, кто такие севрюки и под влиянием каких факторов развивались историко-этнические процессы в Северской земле исследуемого периода, и посвящена данная работа.

Для всех, интересующихся отечественной историей.

ISBN 5-94727-007-2

© Н. М. Багновская, 2002
© Издательство «Палеотип», 2002

ВВЕДЕНИЕ

Территория древней Северской земли — своеобразная и интересная область восточнославянского расселения. Здесь с глубокой древности проживали и общались группы населения с различным хозяйственным укладом и различного происхождения. Восточнославянские племена, расселившиеся на Левобережье Днепра по рекам Десне, Сейму и Суле вступали во взаимодействие с неславянским населением и в совокупности явились тем базисом, на основе которого сформировалось население древней Северской земли. С первых летописных упоминаний о северах в качестве одного из восточнославянских племен до конца XVIII в., когда исчезли последние упоминания о севрюках, население Северской земли прошло длительный и сложный путь исторического развития. Основные историко-этнические процессы указанного периода связаны с формированием восточнославянских народов¹.

Вопрос об этнокультурном размежевании восточных славян относится к числу не только важных, но и чрезвычайно сложных проблем их истории. Особенности трудности вызывает изучение контактных зон, где складывались этнические границы русских, украинцев и белорусов. Область Северской земли — одна из таких зон.

Истории Северской земли XIV—XVI вв. в литературе уделено мало внимания. Известные работы П. В. Голубовского, Д. И. Багалая, В. В. Мавродина охватывают лишь период до середины XIV в.²

Завоевание Северской земли литовскими князьями нашло отражение в работе В. Б. Антоновича “Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти Ольгерда” (1885).

Работа Л. В. Падалки “Прошлое Полтавской территории и её заселение” (1914), пожалуй, единственная в дореволюционной историографии, где ставятся вопросы об этническом составе населения южных районов Северской земли со времен Древнерусского государства и до начала XIX в. Конечно, во многом труд Падалки устарел. Автор слишком преувеличивал значение различного рода “колонизаций”, фактически сводил к ним всё многообразие этнической истории. Он принимал безоговорочно мнение о полном запустении южных районов лесостепного Левобережья после Батыева нашествия и в то же время констатировал факт существования “туземного” населения — севрюков. Однако вывод автора о том, что население Полтавщины сформировалось в результате “колонизации” тремя “племенными элементами”: севрюки, татарский или отатаренный и черкасы (с. 100—101) — несомненно, близок к истине, хотя и требует современного осмысления и уточнения.

Вопрос о происхождении русского, украинского и белорусского народов, а в том числе и вопросы о древнем населении Северской земли, его генетических связях и исторических судьбах, изучался украинской дореволюционной историографией. Теория о бесклассовости и демократизме украинского народа, идеализация казачества — выдвинутые в работах родоначальника украинской буржуазной историографии В. Б. Антоновича, были развернуты его учеником М. С. Грушевским. Грушевский считал национальную проблему главной в истории. Формирование украинского народа он относил к IV в. и утверждал, что Древнерусское государство — Киевская Русь — принадлежит исключительно истории украинского народа. Связи украинского и русского народов Грушевский ограничивал только принадлежностью к восточнославянской языковой ветви, игнорируя общность происхождения и близость их культуры³. В вопросе этногенетических связей древней севера, Грушевский отстаивал генетическое родство последней с полянами, всячески умаляя близость севера с радимичами и вятичами. Верно обратив внимание на особое значение XIV—XVII вв. в истории Северщины, Грушевский, однако, понимал это значение с позиций колонизационных движений населения⁴. Он видел в Северщине своеобразный аккумулятор “української людності” и украинской культуры в периоды отливов и приливов населения с севера на юг и обратно (согласно его теории о постоянных движениях в меридиональном направлении).

Так как города и волости бывшей Северской земли долгое время входили в состав Литвы и Речи Посполитой (или переходили из рук в руки), к проблемам истории Северской земли обращались некоторые польские исследователи конца XIX—XX вв. Наиболее известным из них является А. Яблоновский, труды которого⁵ по истории Украины XVI—XVII вв. надолго определили представления о территории и границах литовской и польской Украины и России и о населении этих областей. Односторонность используемых Яблоновским источников (только литовские описания-люстрации), а также незнание событий конца XVI в. на территории бывшей Северской земли привели его к перенесению границ Речи Посполитой XVII в. на XVI в., в результате чего вся территория к востоку от Днепра до Путивля оказалась в пределах Польши⁶. Эти земли (не учтенные люстрациями и принадлежавшие в XVI в. Московскому государству) были объявлены Яблоновским “пустующими”, “пустыней”. Характерный недостаток его работ: почти все явления этнических процессов на Левобережье Днепра в XVI в. он обосновывал исходя из данных источников XVII в.

Другой польский исследователь Стефан Кучинский поставил своей задачей осветить историю Чернигово-Северской земли в период литовского господства: от завоевания её Ольгердом до 1503 г., когда набирающее мощь Московское государство отвоевало у Литвы Северские земли⁷. Монография Кучинского “Чернигово-Северские земли под властью Литвы” вышла в свет в 1936 г. и была первым комплексным исследованием этой проблемы. Кучинский отказался от традиционной периодизации исторических событий по прав-

лениям великих князей Литовских и выдвинул свою периодизацию. Главное, на чем сконцентрировал внимание Кучинский в своем объемном труде — стратегическое положение Чернигово-Северской земли в борьбе Литовского, а затем Польского государств с Московским. Он стремился также привести сведения из области исторической географии, дать общий обзор Литвы, Московской державы и “Татарщины”, дабы выделить исторические судьбы Чернигово-Северской земли, которая своей территорией как бы связывала названные страны.

В трудах дореволюционных историков Д. И. Багаля, М. С. Грушевского, А. М. Лазаревского, М. Ф. Владимирского-Буданова и других уделялось серьезное внимание опровержению тезиса, выдвинутого польской буржуазной историографией, о полном запустении Левобережья Днепра в XV в. и ведущей роли государственной власти Речи Посполитой и поляков в освоении этих земель в XVI—XVII вв. Не отрицая частичного уменьшения населенности Левобережья в XV—XVI вв., Владимирский-Буданов отводил главную роль в его заселении в XVI—XVII вв. русскому (украинскому и белорусскому) населению⁸; Багалей и Грушевский (хотя и с разных позиций) — казакам⁹. При этом Д. И. Багалей преувеличивал значение так называемой правительственной колонизации Московского государства, недооценивая роль стихийного заселения края крестьянами, казаками и различного рода “вольными людьми”. Относительно местного населения бывшей Северской земли, эти исследователи ограничивались констатацией факта существования его остатков.

Крупный советский историк М. Н. Тихомиров в работе “Россия в XVI столетии” (М., 1962), с привлечением новых источников, дал концентрированный очерк социально-экономического состояния Северских земель XVI в. в пределах удельных княжеств: Новгород-Северского, Стародубского, Путивльского, Рьльского. Однако историко-этническая проблематика в данной работе не рассматривается.

В 1991 году появился популярный очерк истории Великого княжества Литовского, написанный известным генеалогом и историком С. В. Думиным.¹⁰ Работа интересна тем, что автор ставит под сомнение многие взгляды и стереотипы, сложившиеся в изучении этого государства, в состав которого длительное время входили Северские земли. По мнению С. В. Думина русские земли присоединились к Великому княжеству Литовскому исключительно на добровольной основе. Историк также полагает, что Великое княжество Литовское являлось для русских земель “упущенной возможностью” интегрироваться в западноевропейский мир государств.

Посвященных же непосредственному изучению истории Северской земли, в последние десятилетия появилось лишь несколько работ, в которых анализируются отдельные аспекты истории этого региона в составе Великого княжества Литовского. Это работа Ф. М. Шабульдо “Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского” (Киев, 1987); А. Ю. Дворниченко “Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.);

Очерки истории общины, сословий, государственности” (СПб., 1993); М. М. Кром “Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. ” (М., 1995); О. В. Русиной “Северская земля в составе Великого княжества Литовского” (Киев, 1998).

Монография украинской исследовательницы О. В. Русиной, пожалуй, единственная за последние два десятилетия, где рассматривается комплекс проблем исторического развития Северщины в XIV—XV вв., когда она находилась в составе Литовского государства. Автор детально прослеживает эволюцию политико-административного устройства региона, характеризует основные тенденции социально-экономического развития Северской земли литовского периода; на фоне литовско-ордынских и литовско-московских взаимоотношений рассматривает политические процессы указанного периода. Работа О. В. Русиной насыщена документальным материалом, однако, зачастую в ущерб историческому анализу: автор слишком досконально анализирует документ и историю его изучения, уходя далеко в сторону от основной линии исторического процесса в Северской земле изучаемого периода. Проблемы историко-этнических процессов в Северской земле исследуемого периода О. В. Русина не рассматривает.

Изучение же историко-этнических процессов в Северской земле XIV—XVI вв. так и осталось за пределами внимания современных исследователей. В связи с этим автор видела одну из главных задач своей работы — восполнить существующий пробел в изучении истории восточнославянских народов.

РАЗДЕЛ 1. СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В СОСТАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Бесконечные монголо-татарские рати на протяжении второй половины XIII в., от которых больше всего страдали южные и юго-западные древнерусские земли, сделали свое дело. К началу XIV в. древний Киев полностью утратил свое значение не только стольного города и политико-экономического центра древнерусских земель, но и, после отъезда в 1300 г. в северо-восточные земли православного митрополита, потерял значение духовного и культурного центра. Последующие столетия ознаменовались не только золотоордынским господством, но и ожесточенной борьбой за древнерусское наследие между Литвой, Польшей и Московским государством. Первым успехов на этом поприще достигло Великое княжество Литовское.

Литовский период истории древнерусских земель — достаточно длительный и важный этап их развития. Реконструкция не только политических и социально-экономических, но и историко-этнических процессов этого периода составляет одну из важных задач современной восточнославянской медиэвистики. Осуществление таких исследований выглядит наиболее перспективно на основе регионального принципа, тем более что, как известно, Великое княжество Литовское представляло собой конгломерат отдельных земель, которые на протяжении XIV—XVI вв. сохраняли значительные локальные особенности, генетически восходящие к более ранним периодам их исторического развития.

Период существования Великого княжества Литовского до унии 1569 г. оценивается некоторыми историками как время существования Литовско-Русского государства, которое сохраняло традиции Древнерусского государства. Другие исследователи убеждены, что в это время шел процесс превращения русских земель в литовскую провинцию. Такие разногласия связаны с тем, что время пребывания русских земель в составе Великого княжества Литовского имеет одну важную особенность: оно состояло из разных по продолжительности и содержанию периодов, в рамках которых доминировала то одна, то другая тенденция.

XIV век — время интенсивного увеличения территории Великого княжества Литовского. Свое проникновение на Русь Литовское княжество начало еще со времен Миндовга (1230—1263 гг.). Тогда главным объектом стали западнорусские (белорусские) земли. Во времена его преемника Гедимина (1316—1341 гг.) начинается экспансия в юго-западные древнерусские (укра-

инские) земли. Вместе с другими древнерусскими землями (Волынь, Подолія, Киевщина) в состав Литовского государства вошла Северская земля.

Утверждение литовского господства в Северской земле имело длительную предисторию. В источниках начала XIII в. отмечены первые столкновения местных князей с литовцами. Под 1203 или 1204 г. в Новгородской Первой летописи записано: “победиша Олговиця литву, избиша их 7 сот и 1000”¹¹. В Московском летописном своде конца XV в. встречаем известие, что в 1220 г. “приходиша литва и воеваша волость Черниговскую и постиг их, изби всех, а полон отъяг”¹². Безусловно, в этот период речь может идти о спорадических набегах литовских дружин с целью грабежа. После монгольского нашествия ситуация в корне меняется в сторону значительной военной активизации Литвы в этом регионе.

В середине XIII в. князь Миндовг (Миндаугас) объединил воинственные языческие племена литовцев, чтобы дать отпор экспансии Тевтонского ордена немецких крестоносцев, который возник на прибалтийской земле. Из этой борьбы литовцы вышли объединенными и сильными как никогда ранее. Почувствовав свою военную мощь, литовские военные дружины пытаются проявить ее в древнерусских землях, находящихся под властью Золотой Орды. В 1258 г. воевода Миндовга Хвал “иже велико убийство творяше земле Черниговской”, а в 1263 г. “послал бяшегь Миндовг всю свою силу за Днепр на Романа на Брянского князя”¹³. Однако во второй половине XIII в. “заднепрянские князи” находились целиком и полностью “в воли татарской”¹⁴ и военные походы литовцев не принесли им территориальных приобретений.

В белорусско-литовских летописях широкой редакции имеются рассказы об основании литовцами вскоре после монгольского нашествия на русских землях города Новгорода (современный Новогрудок), о военных сражениях литовских князей с царем Заволжской Орды и о поражении “того царя, и всю его мощь татарскую” и о походе на Русскую землю и взятии городов Мозырь, Чернигов, Стародуб и Карачев¹⁵. Эти рассказы впоследствии попали в “Хроники” М. Стрийковского, И. Бельского, Ф. Софоновича и в украинский хронограф¹⁶. Однако современные исследователи считают, что белорусско-литовские летописи датируются первой половиной XVI в. и отмечены ярко выраженной политической тенденциозностью, в частности стремлением доказать исторические права Великого княжества Литовского на Северскую землю, которая с начала XVI в. находилась в составе Московского государства.

Это и объясняет легендарный характер приведенных выше рассказов¹⁷.

Легендарный характер имеет и рассказ о завоевании Волыни и Киевщины князем Гедимином, в котором киевских “пригородков” покоренных Гедимином, называется и северский Путивль¹⁸. На рубеже XIX—XX вв. в исторической литературе развернулась дискуссия о достоверности данного рассказа. В то время победило мнение историков В. Б. Антоновича, Р. В. Зотова, Ф. И. Леонтовича, О. Е. Преснякова о недостоверности данного рассказа. Точку в данной полемике поставил П. Г. Клепатский, который, проанализировав все аргументы “за” и “против” включения Северщины в состав Великого

княжества Литовского Гедимином, пришел к выводу, что рассказ широкой редакции литовско-русской летописи о завоевании Киева времен Гедимины не известен из других, более ранних источников и имеет против себя множество никем пока не опровергнутых возражений¹⁹. Однако вскоре после выхода в свет работы П. Г. Клепатского появляется публикация М. Д. Приселкова и М. Р. Фасмера “Отрывков В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века”²⁰, которая послужила толчком к пересмотру мнения о легендарном характере литовского завоевания Киева в 30-х гг. XIV в. С этого времени в исторической литературе преобладает мнение о литовской супрематии над Киевом и округой со времен Гедимины²¹. Современная украинская исследовательница О. В. Русина подвергла текст отрывков В. Н. Бенешевича скрупулезному источниковедческому анализу и пришла к выводу об отсутствии всяких доказательств историчности Гедиминова завоевания Киева²².

Итак, концепция присоединения к Литовскому государству Северских княжеств в 20—30-х гг. XIV в., активно пропагандируемая М. Стрийковским на основании недостоверных источников XV—XVI вв., несомненно, была элементом официальной идеологии и инструментом в дипломатической практике XVI—XVII вв. Что касается действительного времени вхождения Северских княжеств в состав Великого княжества Литовского, то О. В. Русина считает, что единственный населенный пункт на Северщине, относительно которого есть определенные свидетельства достоверных источников, — это Брянск. Осенью 1356 г. “воевал Олгерд Брянск и Смоленск”, а в следующем году Смоленский князь Василий “приде из Орды, сел на княженьи в Дьбряньске; и, мало пребыв... преставися; и бысть в Бряньске лихостию лихих людей замятня велика и опустенье града; и потом нача обладати Ольгерд Брянском”²³. По мнению некоторых исследователей, благодаря деятельности пролитовски настроенных групп местного боярства, процесс утверждения в Брянске Ольгерда носил сравнительно мирный характер и произошел примерно в период между 1357 и 1360 гг.²⁴ Однако покорение Брянска нельзя отождествлять с включением всей Северской земли в состав Великого княжества Литовского. Действительно многие исследователи называют Брянск этого времени “центром”, “главным городом” Северской земли²⁵, но это не совсем верно. Брянск с середины XI в. принадлежал черниговским князьям, а во второй половине XIII в. даже стал ненадолго их резиденцией (в связи с монгольским завоеванием), но уже в 90-х гг. того столетия оказался под контролем смоленских князей²⁶. Соответственно, борьба Ольгерда за Брянск представляла собой один из аспектов литовско-смоленских отношений, стремление Литвы вернуть себе контроль над Смоленском, утраченный в начале 1350-х гг.²⁷

По мнению О. В. Русиной, для разрешения вопроса о присоединении Северщины к Великому княжеству литовскому, важным является факт одновременного перехода под власть Ольгерда Брянска и Киева, которые находились под непосредственным контролем Орды, о чем свидетельствует участие Орды в брянских делах первой половины — середины XIV в. и присутствие ханского баскака в окружении Федора Киевского, которого (или его тезку) со

временем заменил сын Ольгерда Владимир²⁸. Возможны два варианта развития событий на Киевщине: или Владимир Ольгердович сразу признал превосходство Орды, или, по мнению Грушевского, “о своих правах на Киев татарские властители вспомнили и напомнили литовским князьям” позже²⁹, после окончания феодальных усобиц в Орде, которые вспыхнули после гибели хана Джанибека (1357 г.). Известно, что на протяжении 1359–1361 гг. в золотоордынской столице Сарае сменилось семь ханов, а в 1362 г. Орда распалась на две части с границей по Волге. Последующие два десятилетия, до прихода к власти Тохтамыша (1380 г.), были заполнены напряженной борьбой между сарайскими правителями и марионеточными ханами волжского Правобережья³⁰. Впрочем, не следует преувеличивать масштабы ослабления Орды. Фактический правитель ее правобережной части — Мамай — удержал под своей властью земли западнее Волги, подавив сепаратистские выступления феодалов своего улуса. Поэтому взаимоотношения между правобережной Ордой и Литвой строились в этот период, скорее всего, не на военном противоборстве, а на принципиально иной основе — договорной. В современной литературе было высказано предположение о возможности заключения какого-то компромиссного соглашения в середине 60-х гг. XIV в., когда обозначилось сближение Литвы и Орды в политико-дипломатической сфере³¹.

Таким образом, инкорпорацию северских земель в состав Великого княжества Литовского было осуществлено в 50—60-е гг. XIV в., скорее всего, на договорных началах, в форме кондоминиума, что предусматривало сохранение даннической зависимости оккупированных Литвой территорий от Орды. Подобный режим существовал и на галицких землях, захваченных Польшей, о чем свидетельствует письмо папы Иннокентия XI королю Казимиру от 1357 г., где он намекает последнему, что тот продолжает платить татарам ежегодную дань с подвластных ему русских земель. Аналогичным был и статус Луцкой волости Любарта по соглашению 1366 г.³² Только признание ордынского верховенства дало возможность Ольгерду распространить свой политический контроль на Юго-Западную Русь, причем сразу, а не поэтапно, как это осуществлялось в других регионах. Это объясняет отсутствие известий о присоединении, в частности, северских земель к Литве, его как бы “незаметность” для тогдашних хронистов. Кстати, зависимость от Орды рассматривалась последней как вполне реальная, не случайно значительно позже, в 1514 г. крымский хан Менгли-Гирей требовал от Василия III, чтобы тот вернул Литве Северщину, выступая как ее суверен: “Область наша к нам тянет: Брянск, Стародуб, Почап, Новый городок (Новгород-Северский), Рылеск, Путивль, Карачев, Радогощ, — те писанные восемь городов из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали по нашему слову”³³.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в современной украинской исторической литературе делается очевидный акцент на так называемое “бархатное” литовское проникновение в древнерусские (современные украинские) земли. Пишется, что население приветствовало войска Ольгерда во время продвижения вглубь славянской территории, что литовская власть, сме-

нившая жестокою ордынскую, была мягкой и толерантной, что в конечном итоге произошло ослабление литовских правителей и, созданное без особых завоевательских усилий, новое государство представляло собой государство, в котором от народа-завоевателя осталось только название³⁴.

Несомненно, общеизвестны факты влияния православия на территории Литовского государства, использование в качестве правовой основы государства “Русской правды”, русского языка в качестве государственного и многое другое. При этом нужно помнить, что собственно литовские этнические земли составляли в этот период лишь десятую часть государства и его правители, чтобы удержать под своей властью присоединенные территории, вынуждены были придерживаться правила: “Старого не менять, нового не внедрять”. С другой стороны, признавая факт даннической зависимости Литвы от Орды, не возможно не задаться вопросом: на чьи плечи легла эта двойная дань? Ответ очевиден — на население древнерусских земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского. Кроме того, процесс ассимиляции завоевателей, о котором так часто пишется в литературе, не завершился. События развернулись несколько иначе. Начиная с правления Ягайла (1377—1392 гг.) в Литовском государстве все больше набирают силу тенденции сближения с Польшей, а Кривская уния 1385 г. коренным образом меняет положение юго-западных русских земель. Видимо, не такой уж радужной была эта двойная зависимость, как видится это сегодня некоторым украинским авторам, на мнению которых, очевидно, сказались политико-идеологические пристрастия.

Таким образом, нет оснований считать, что во второй половине XIV в. в результате военной активности Литовского княжества, и в первую очередь Ольгерда, была ликвидирована зависимость южнорусских земель, в том числе и Северской земли, от Орды и только со временем ордынская супрематия возобновилась. Эти представления сформировались более поздней традицией и прежде всего белорусско-литовскими летописями XVI в., в которых династическим претензиям московских властителей на “всю Русскую землю” противопоставлялось право завоевания (“право меча”), целиком приемлемое в средневековую эпоху XV как историко-юридический аргумент.

В последней трети XIV—XV в., по словам М. С. Грушевского, Северщину держит маленькая группа второстепенных членов Гедиминовой династии, получившие свои волости от сильнейшего литовского князя (то есть Ольгерда), который роздал их в держание³⁵. Владея своими уделами “с руки” великого князя литовского, северские князья оставались в сфере верховного права “господаря”, соответственно всякое великокняжеское пожалование фактически было “до воли господарской”, так как перемене князей с удела на удел, соответственно потребностям внешне и внутреннеполитической конъюнктуры, были типичным явлением того времени.

Выражение вассальной зависимости северских князей от великого князя литовского проявлялась в “послушестве”: уплате ежегодной дани, при необходимости, предоставлении военной помощи “господарю”. В остальном владельцы князей оставались практически автономными единицами Литовс-

кого государства. Хорошо характеризует масштаб их суверенитета факт чеканки собственной монеты одним из могущественнейших северских князей — Дмитрием Корибутом³⁶.

В известных нам источниках среди литовских уделов в Северской земле наиболее полно представлен брянский³⁷, известный как владение князя Дмитрия Ольгердовича, который выступает не только как брянский, но и как трубчевский князь. Впрочем, количество данных о Брянске в последней четверти XIV в. является мизерной в сравнении с первой половиной этого века, поскольку, по наблюдениям Л. Л. Муравьевой, с подчинением его Литве “цепь брянских известий в летописях прерывается”³⁸. В сравнении с упоминаниями брянских князей, данные летописей о Чернигове и его владельцах в конце XIV в. почти отсутствуют. Единственное упоминание о Чернигове встречается в Евреиновской летописи и связано с указанием на Чернигов и Чарторыек как на удел Константина Ольгердовича, который, очевидно, сменил там Романа Михайловича в начале 1370-х гг.³⁹.

Характерная для Северской земли долитовского периода административно-территориальная раздробленность, сохранилась и в литовское время. Способствовали такому сохранению переделы уделов между Гедиминовичами, вызванные периодическими отъездами на протяжении XIV—XV вв. из Великого княжества Литовского северских и верховских князей и их бояр в Московское государство и обратно. Уже в конце 1370-х гг. на сторону Москвы перешли некоторые литовские князья: Андрей Полоцкий, Дмитрий Волынский и Владимир Серпуховской, которые в 1379 г. осуществили рейд вглубь северских территорий, в результате которого на службу к великому князю московскому перешел Дмитрий Ольгердович Трубчевский⁴⁰. К этому факту истории Великого княжества Литовского неоднократно обращались в своих исследованиях специалисты, споря о точности даты события и его достоверности⁴¹. Факт отъезда Дмитрия Ольгердовича не был чем-то экстраординарным. В 1408 г. на московскую службу перешел князь Свидригайло Ольгердович, а с ним ряд черниговских, стародубских и брянских бояр. В 40-е годы XV в. участники феодальных усобиц в Московском государстве неоднократно находили убежище за литовским рубежом⁴². Таким образом, практика смены подданства северскими князьями на протяжении XIV—XV вв. отражала борьбу феодальных групп за сохранение своей власти и влияния.

В 30-е годы XV в. система уделов на территории Северской земли была фактически ликвидирована и практически весь регион (Чернигов, Гомель, Стародуб, Трубчевск, Брянск, Новгород-Северский, Радогощ, Рьльск, Почеп, Мглин) вошел в состав великокняжеского домена⁴³. Однако после гибели Сигизмунда Кейстутовича его преемник на великокняжеском столе Казимир начинает серию земельных роздач, отраженных в одном из документов Литовской Метрики — так называемой книге “данин” Казимира за 1440—1445 гг.⁴⁴ Обращает на себя внимание охват этими актами именно северских территорий в районе Чернигова, Стародуба, Новгорода-Северского, Трубчевска, Рьльска, Почепа, Мглина, Радогоща и др.

Известно, что Казимир пожаловал Брянск, Гомель, Стародуб и “иные многие места” князю Василию Ярославичу Боровскому, который бежал в Литву после того, как Шемяка захватил и ослепил Василия П. Однако княжество Василия Боровского просуществовало недолго: в 1447 г. он покинул Литву и вернулся к активной политической борьбе в Московском государстве⁴⁵. В 1454 г. Стародуб и Гомель были переданы Казимиром ближайшему сподвижнику Шемяки князю Ивану Андреевичу Можайскому; в 1465 г. к этим землям был пожалован Брянск, а в 1496 г. Александр Казимирович жалует Семену Можайскому Чернигов и волости Карачев и Хотимль⁴⁶. Еще один выходец из Московского княжества — князь Иван Дмитриевич Шемячич — получил от Казимира Новгород-Северский и Рьльск. Статус этих земель обрисован в жалованных грамотах князю Можайскому, согласно которым земли получены “ув отчину” с обязательством верно служить великому князю литовскому⁴⁷. Таким образом возрождение системы удельного землевладения на северских землях в середине XV в. связано не с династическими уделами Гедиминовичей, а с обширными вотчинами московских князей, вынужденных из-за политической нестабильности искать прибежище в Литовском государстве. Как неоднократно отмечалось в специальной литературе⁴⁸, со стороны Литовского государства образование на территории Северской земли княжества во главе с представителями московской правящей династии объясняется возможностью использования их как претендентов на московский стол.

В эволюции административно-территориального устройства Северщины литовского периода очень велика роль традиции. Особенно это заметно по традиции административной подчиненности г. Путивля Киеву, несмотря на отсутствие непосредственной географической связи его с Киевской землей. По мнению О. В. Русиной, зависимость Путивля от Киева сформировалась на рубеже XIII—XIV вв. в связи с возобновлением на Киевщине традиции княжеского правления, прерванной вскоре после монгольского нашествия. В то время на киевском столе утвердились путивльские князья, но, очевидно, сохранили тесную связь со своей отчиной. Следы этой связи и проявляются впоследствии в виде административной подчиненности Путивля Киеву⁴⁹.

Под непосредственным управлением Литовского государства во второй половине XV в. находились лишь три уезда: Черниговский (до 1496 г.), Брянский (1440—1465, 1485—1500 гг.) и Путивльский (1470—1500 гг.). Согласно данным литовской Метрики, термин “уезд” как название административно-территориальной единицы применительно к указанному региону вошел в употребление в 90-х гг. XV в.⁵⁰ Вся административная власть в уезде сосредотачивалась в руках великокняжеского наместника.

По данным Литовской Метрики можно проследить следующие функции наместника: обеспечение общественного порядка, контроль прибыли с “господарских” земель и “увязанье” в них (введение во владение) пожалованных особ, сбор прямых податей, контроль сбора пошлин, “увязанье” откупщиков, оплата “кредитных” квитанций великого князя⁵¹. Прерогативы наместников ограничивались необходимостью придерживаться “старины”, но на

практике “новины” наместников были не редким явлением⁵². Наместник в своей административной деятельности опирался на “урядников”: конюшего, ловчего, скарбника, поездничего, сокольничего и др. Все эти “уряды”, связанные с определенными “именьями”, находились в “колейном” то есть поочередном держании местных бояр⁵³.

Уезды состояли из волостей, которые управлялись “колейно” местными боярами. Бояре очень дорожили этой сословной прерогативой, так как, управляя в свою очередь волостью, каждый “выбирал на себя” прибыли с волости⁵⁴. Следует отметить, что институт поочередного держания волостей был достаточно распространен на русских землях Литовского государства и давно обратил на себя внимание исследователей⁵⁵.

Рассматривая вопрос о самоуправлении в Северской земле литовского времени, следует отметить институт сотников, фиксируемый в ряде источников⁵⁶. К сожалению, их функции в источниках не очерчены. Исследователи видят в них представителей местного самоуправления в волостях и некоторых городах⁵⁷. Предположение С. Кучинского о существовании в г. Путивле времен правления Казимира магдебургского права⁵⁸, не нашло поддержки у других исследователей. Кучинский в своём предположении опирался на упоминание путивльского войта в реестре “данин” Казимира⁵⁹. Но ещё М. В. Довнар-Запольский отмечал, что в XV—XVI вв. даже в небольших городах представители городских общин на русском праве назывались войтами под влиянием магдебургских городов⁶⁰. О. В. Русина не исключает, что случайное упоминание о путивльском войте может быть связано с фактом существования в г. Путивле иностранной торговой колонии, которая жила на своем, немецком, праве⁶¹.

О состоянии феодального землевладения в регионе дают представления документы времен королей Казимира и Александра. В этих актах⁶², представляющих собой королевские земельные пожалования (“данины”), их подтверждения и судебные решения (“выроки”), наиболее полно представлены Путивльский и Брянский уезды. Королевские “данины” и пожалования светских и церковных феодалов были главным источником роста боярского землевладения в регионе во второй половине XV в. Увеличение боярского землевладения осуществлялось также путем прямого захвата земель или их покупки. Личные владения великих литовских князей на Северщине были очень незначительны. Их личные хозяйства находились преимущественно на землях собственно Литвы (то есть Аукштайтии) и смежных с нею территорий. Впрочем, в актовом материале встречаются редкие упоминания о небольших великокняжеских дворах в Северской земле, которые, не принося существенных доходов, раздавались служилым людям⁶³. Наиболее значительными светскими землевладельцами в Северской земле были два княжеских рода — Шемяичи и Можайские. Их владения сформировались в середине XV века. Многочисленные Гедиминовичи, владевшие северскими землями в последней трети XIV — первой трети XV вв., не укоренились здесь. Исключение составляет лишь Дмитрий Ольгердович, потомкам которого на протяжении второй половины XV в.

принадлежал Трубчевск. С XIV в. до конца XV в. просуществовала вотчина татарских князей Яголдайовичей. Основной причиной неустойчивости крупного княжеского землевладения в Северской земле следует считать феодальные распри 1390-х и 1430-х годов, а также выезды из Литовского государства ряда князей, которые сидели в Северщине.

Сохранилось очень мало данных относительно церковного землевладения в регионе. Оно, несомненно, было. Об этом свидетельствует, в частности, подтвердительная грамота Александра на “данины” чернигово-брянского епископа Нектария своему боярину Григорию Иванову⁶⁴. Сохранилось несколько жалованных грамот и выписей северских монастырей — путивльского Молчинского, брянского Свенского, новгород-северского Спасо-Преображенского — которые охватывают после литовский период (50-е гг. XVI — начало XVII вв.)⁶⁵ и в которых нет ссылок на традицию, другими словами, этих земельных владений в XV в. могло и не быть. Впрочем, не вызывающим сомнения является факт существования в Северщине литовского времени владений Киево-Печерского монастыря. Об этом в частности свидетельствуют две грамоты Сигизмунда I от 1540 г. с разрешением на возобновление сбора печерскими монахами “за границей”, то есть на территории Московского государства, дани, что “с давних часов хоживала з украинских северских городов, з Стародуба и з Новагородка, к тому монастырю”⁶⁶. После включения Киевщины в состав Польско-Литовского государства, король Сигизмунд-Август по просьбе печерского архимандрита Иллариона Пясочинского утвердил разрешение “по дань до Москвы посылати”⁶⁷, но в условиях Ливонской войны выплата дани фактически прекратилась. По окончании войны в 1583 г. архимандрит Мелентий (Хребтович) обратился к Ивану IУ с вопросом о восстановлении поступления дани “по прежнему преданью и обычаю”, на что из Москвы ответили, что “старые книги в пожар погорели, и на Москве сыскать того не могли”. Тогда думному дьяку Андрею Щелканову было поручено “послать сыскать в те города северские, ис которых городов в Киев к Пречистой Богородице в Печерской монастырь наша милостыня давана”. Иван VI пообещал архимандриту после “сыску” выдать “о той милости указ свой”. Таким образом, актовый материал убедительно свидетельствует о регулярной дани Печерскому монастырю с его северских владений и многие исследователи подтверждают это в своих работах⁶⁸. О. В. Русина предполагает, что земли в окрестностях Новгорода-Северского и Стародуба были пожалованы монастырю князьями Можайскими и Шемячичами, которые во второй половине XV в. владели этими городами⁶⁹. В целом в XIV-XV вв. церковное землевладение в Северских землях, несомненно, значительно уступало по масштабам светскому.

По территории Северской земли проходили важные торговые пути, соединяющие Крым и Северное Причерноморье с Волго-Окским бассейном. Из низовий Днепра купеческие караваны шли сухоходом или по Днепру (“землею или водою”) мимо Черкас и Канева к Киеву, где открывался речной и сухопутный путь на Чернигов и дальше, вверх по Десне, на Новгород-Северс-

кий (связанный торговыми путями с Рьльском и Путивлем) и Брянск; оттуда через Брынь, Серенск, Воротынский, Калугу, Торусу, Серпухов и Лопасно купцы добирались к Москве⁷⁰. Кроме этого, хорошо известного торгового пути, существовал контрабандный “шлях полем”: от Перекопа по Муравской дороге до истоков Коломака, где поварачивал на Путивль, а от Путивля торговые караваны шли через Новгород-Северский и Брянск или через Новосиль к Москве⁷¹.

Торговые пути через Северскую землю были, прежде всего, транзитными. По ним шли восточные товары: ткани, одежда, ковры, шелк-сырец, пряности, краски, драгоценности, оружие, ладан и пр.⁷² Часть из них, несомненно, реализовывалась на рынках Северщины, а часть вместе с продуктами местных промыслов скупалась московскими купцами. Основными товарами местного производства, пользовавшимися спросом у приезжих купцов были мед, воск и меха. Так, в 1489 г. купцы с Коломны и Можайска приобрели в Путивле сто двадцать кадей меду, сорок пудов воску, двести шкур бобра, сто выдровых шкур, сорок горностаев, семь рысей, сорок лисиц, полторы тысячи белки. Они же перекупали восточные товары: шелк, тафту, атлас, краски, одежду⁷³. В северских городах, как великокняжеских, так и частновладельческих, с купцов взимали таможенные и торговые сборы. Сеть таможен охватывала в 1488 г. Гомель, Новгород-Северский, Радогощ, Трубчевск, Брянск, Стародуб, Чернигов, Любеч и Путивль⁷⁴. Ставки таможенных сборов в то время составляли: в Чернигове — три гроша с воза, два — с вьюка; в Гомеле — два гроша с воза и с вьюка; в Новгороде-Северском, Радогоще, Трубчевске и Брянске — грош с воза⁷⁵. Следует отметить, что в конце XV в. в связи с участвовавшими нападениями татар, объем торговли через Путивль существенно сократился, о чем свидетельствует прогрессирующее уменьшение общей стоимости путивльских таможенных сборов (при сдаче их в аренду сроком на три года). В 1486 г. эта стоимость равнялась 1100, в 1490 г. — 1000, а в 1495 г. — 800 копам широких грошей⁷⁶. Для московских и иностранных купцов более безопасным стал путь Днепром на Смоленск и далее, через Вязьму и Можайск, к Москве⁷⁷. Снижение торговой активности, несомненно, не лучшим образом сказалось на экономической жизни региона.

По документам Литовской Метрики прослеживается процесс замещения натуральной дани денежной, что может свидетельствовать об относительной активизации товарно-денежных отношений в регионе в связи с развитием торговли. Так, в 1496 г. жители г. Дрокова платили великому князю литовскому наряду с традиционными мехами “полшестедесят коп грошей” или стоимостью шкурки бобра, куницы — деньгами⁷⁸. В 1498 г. брянские рыбаки вносили в великокняжескую казну “по два бобры, а кадь рыбы, а за орехи воденые... сорок грошей”⁷⁹. В конце XV в., по данным 1527 г., от г. Мглина великому князю литовскому “дани хоживало 50 кадей меду, а поголовщины 50 коп грошей широкое личтьбы”⁸⁰. В Северской земле прямой налог имел название поголовщины, но М. В. Довнар-Запольский, опираясь на данные документа 1527 г. обоснованно отмечал, что кратное соотношение дымов с даниями дает

все основания считать, что поголовщина накладывается собственно на дым, представляя собой аналог киевской подымщины⁸¹.

По мнению некоторых исследователей, переводя натуральную дань в денежную, великокняжеская казна не просто стремилась унифицировать даннические отношения “господарских” подданных, а шла навстречу новым экономическим отношениям, то есть способствовала развитию обмена и активизации денежного обращения⁸². Думается, что великокняжеская казна просто шла в ногу со временем, а также собственными потребностями и возможностями своих подданных. Материалы монетных кладов XIV-XV вв. свидетельствуют, что в денежном обороте находились кроме литовских и пражских “широких грошей”, польские и генуэзско-крымские (кафинские) монеты⁸³.

Как уже отмечалось выше, активизация торговли была важным фактором развития товарно-денежных отношений и городской экономики. Однако, изменившаяся на рубеже XV-XVI вв. внешнеполитическая ситуация, приведшая к изменению торговых путей, отрицательно сказалась на экономике края. В целом темпы развития северских городов были, видимо, невысокими. Относительно низкая заселенность Северной земли, наличие обширных лесных массивов, богатых дичью и медом, обусловили преобладание традиционных промыслов (охоты, бортничества и рыболовства) в структуре хозяйственных занятий населения. Это существенно отличало Северщину от западных областей Великого княжества Литовского, где в XIV—XV вв. хлебопашество было важнейшей отраслью хозяйства, а начиная с XVI в. хлеб экспортировался⁸⁴. Отставание аграрной сферы определило консервативность общественных отношений, выразившихся в преобладании раннефеодальных форм повинностей (натуральная дань медом, рыбой и мехами), сохранении архаичных элементов в управлении (древнерусская номенклатура “урядов”, держание “урядов” и волостей “колесей”). Вместе с тем следует отметить, что часть промышленной продукции шла на внешний рынок, в отдельные периоды отмечалось расширение посевных площадей и рост внутреннего обмена, что представляло фактор социально-экономического развития.

Не однозначными были этнические взаимоотношения этого периода. В отечественной литературе превалирует осмысление русско-татарских отношений преимущественно в категориях противостояния, непримиримого антагонизма, что, несомненно, имело место и о чем свидетельствуют эпические произведения и фольклор. Между тем на протяжении второй половины XIII—XIV вв. выработывались и определенные формы сожительства двух этносов⁸⁵. Существовали зоны, где тюркско-славянские контакты отмечались особой интенсивностью, прежде всего в результате наличия в этих зонах оседлого тюркского населения. На основании ярлыков XV—XVI вв. великим литовским князьям Ф. Петрунь локализовал такие контактные зоны⁸⁶. Особое внимание исследователь обратил на ту обстоятельство, с которой в ярлыках описана Путивльщина, относительно которой в них приведено “больше данных, нежели для собственно Киевщины”⁸⁷, в состав которой она тогда входила. Об особом месте этого региона в тогдашних политических взаимоотношении-

ях свидетельствует и требование Менгли-Гирея выделить ему путивльскую дань, предъявленную великому князю литовскому Александру в 1500 г.⁸⁸, а также упоминание Путивля в перечне городов, “что из старины к Перекопской Орде тянули”: “по тем городком дараги (тюрк. — управитель) были и ясаки с тех людей имали”⁸⁹. Видимо, с оседанием в южнорусских землях тюркского населения связано и формирование таких территориальных образований, как упоминаемая в ярлыках “тьма” татарского князя Яголдая Сарайовича в верховьях Псла, Сейма, Оскола и Северского Донца, которая как отдельный феодал просуществовала до 90-х гг. XV в. К таким же князьям “темниим” принадлежали, очевидно, и предки Глинских, чья “отчина”, Глинск, также фигурирует в татарских ярлыках⁹⁰. И хотя традиционно считается, что основатель этого рода Лекса получил свои владения от литовского князя Витовта, еще Ф. Петрунь предположил, что литовские князья не столько осаждали татар в южном порубежье, сколько переводили местных “тюркских династов на статус обычных землевладельцев”⁹¹. Значительное количество татарских родов в составе южнорусской шляхты XV—XVI вв.⁹² свидетельствует о преимущественно ассимилятивной, а не экстерминативной политике великих князей литовских в отношении тюркского населения их государства. Таким образом можно сказать, что в литовский период как русско-татарские, так литовско-татарские отношения не имели сугубо конфронтационного характера: шел сложный и длительный процесс этнического взаимодействия.

Пребывание Северских земель в составе Великого княжества Литовского продолжалось более полутора веков. В середине XIV в. началось мягкое, “бархатное”, но достаточно активное проникновение в земли бывшего Древнерусского государства. В этот период Литва стремилась толерантно относиться к местному населению, органично воспринимать его традиции и опыт. После заключения Кревской унии (1385 г.) русские земли в составе Литвы окончательно теряют остатки автономии, а с 1480 г. попадают в эпицентр московско-литовского противостояния. Северская земля оказывается театром бесконечных военных столкновений между Москвой и Литвой.

Сликвидацией в 1480 г. ордынского ига, Москва всё громче и активнее заявляет о себе как о центре “собрания земель Руси”. Этому способствовали успехи политики Ивана III в борьбе за расширение своего государства в разных направлениях. В 1478 г. в состав Московского княжества вошла Новгородская земля, а 1485 г. — великое княжество Тверское — один из основных соперников Москвы. Таким образом, под властью Ивана III был объединён основной массив великорусских земель. Последствием этих событий стали изменения в титулатуре великого князя московского: с середины 80-х гг. XV в. он стал именоваться “государем и великим князем всея Руси”. Это не только подводило итоги его политической деятельности, но содержало в себе выразительные претензии на власть над всеми восточнославянскими землями, значительная часть которых находилась в составе Литовского и Польского государств. Уже в 1489 г. Иван III впервые замечает великому князю литовскому и

королю Казимиру: “Наши города, и волости, и земли, и воды король за собою держит”.

В специальной литературе досконально проанализирована та роль, которую играли в формировании внешнеполитического курса Ивана III экономические мотивы и, прежде всего, интересы торговли⁹³. Проблема выхода к северным и западным торговым путям частично была решена присоединением к Московскому государству Новгорода и Твери. В южном направлении принципиальную роль продолжал играть днепровский путь, ведущий в Крым и далее в страны Востока. О заинтересованности русских и великого князя московского в развитии этой торговли в 70-х гг. XV в. информировали свою метрополию, Геную, кафинские купцы⁹⁴. Но условия торговли в южном направлении были в этот период весьма неблагоприятными. Дипломатическая переписка 80—90-х гг. XV в. пестрит многочисленными жалобами московских купцов на притеснения со стороны местной администрации в Киеве, Брянске, Чернигове, Радогоще, Новгороде-Северском, Гомеле и Мценске. Острое недовольство московского купечества вызывало и введение в перечисленных городах нового таможенного сбора — “тридцатого” от стоимости товара⁹⁵.

Московские правящие круги, отстаивая экономические интересы своего государства, активно использовали как дипломатические методы, так и военные. Приграничные конфликты на московско-литовском порубежье не прекращались на протяжении последних десятилетий XV в., что дало основание А. А. Зимину назвать эти события “странною войною”⁹⁶, так как формально война не была объявлена. Результаты этой пограничной войны часто оцениваются в литературе как присоединение к Москве территории Северских земель⁹⁷. Некоторые украинские и литовские источники XVII в. датируют отложение Северщины от Великого княжества Литовского концом 80-х — началом 90-х гг. XV в.⁹⁸ Подробно исследовавшая проблему О. В. Русина пришла к заключению, что, “несмотря на фрагментарность фактов, они выразительно свидетельствуют, что присоединение Северщины в 1500 г. было далеко не таким идиллическим, как это часто изображалось в литературе”⁹⁹.

В конце 1502 г. сложился определенный баланс сил на московско-литовском театре военных действий. Стороны ощущали острую потребность в передышке. В марте 1503 г. совместное литовско-ливонское посольство, сформированное по предложению короля и великого князя Александра, прибыло в Москву для переговоров. Однако достичь договоренности о заключении мира не удалось: литовская сторона требовала возврата захваченных Москвой земель, среди которых основную территорию занимала Северская земля. В ответ Иван III изумленно отвечал: “Нам чего деля (ради чего) великому князю Александру тое своей отчины отступатись?”¹⁰⁰ Когда переговоры окончатель-но зашли в тупик, литовская сторона, по примеру Ливонии, предложила Москве 6-летнее перемирие на условиях сохранения статус-кво. Перемирие было заключено 28 марта 1503 г. К Москве переходили все северские города: Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Любеч, Гомель, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мглин, Дроков¹⁰¹.

Дальнейшие московско-литовские переговоры “о вечном миру и о окончанье” возобновились в феврале 1504 г., однако ни одна из сторон не проявила склонности к компромиссу. Александр требовал “тые города, и волости, и земли, и воды, отчину нашу, которые ж еси нам без всякое причины забрал, зася нам вернул”. Иван III был не менее категоричен, отстаивая свои “отчинные права”: “Каждому отчина своя мила и каждому своего жаль. Ино ведь ведомо зятю нашему, Александру королю и великому князю, что Русская земля вся... наша отчина; и нам и ныне своей отчины жаль; а их отчина — Лятская земля да Литовская”¹⁰². Такого же курса придерживался преемник Ивана III, Василий III (1505—1533 гг.) в переговорах с Сигизмундом I, который в 1506 г. сменил Александра на великокняжеском престоле. В результате в 1507 г. вспыхнула новая московско-литовская война. Благоприятные для Москвы внешние обстоятельства (Литва не получила поддержки Ливонии) и развернувшееся в самом княжестве Литовском под лозунгами борьбы с насильственным окатоличиванием восстание Михаила Глинского, привели уже в сентябре 1508 г. к просьбам со стороны литовского правительства о заключении мира. В октябре 1508 г. “князь велики Василей Иванович всеа Руси с королем Жидимонтом мир и вечное докончание взял, а города руские и с волостми, свою же вотчину, да князей служебных, князя Василя Ивановича Шемякина, да князя Василя Семеновича Стародубскаго, и Новосилских князей, и Одоевских, и Воротыньских, и Белевских, и Трубецких, и Масалских, и их вотчинами написал в свою сторону”¹⁰³. Таким образом был юридически оформлен переход Северской земли в состав Московского государства. Закончилось полуторастолетнее пребывание этого региона в составе Великого княжества Литовского.

РАЗДЕЛ 2. СЕВРЮКИ

В дореволюционной исторической литературе долгое время было распространено мнение, особенно пропагандируемое польской буржуазной историографией (Яблоновский и др.), о полном запустении степной и предстепной части Украины в результате опустошений кочевников в конце XV—XVI вв. М. Ф. Владимирскому-Буданову принадлежит определенная заслуга в разоблачении этих тенденциозных концепций. Он собрал в трех томах “Архива Юго-Западной России” значительный актовый материал, свидетельствующий о сохранении местного населения, а также об основной роли его в дальнейшем увеличении населенности края. Переселения имели место, но, по мнению Владимирского-Буданова, это не была “польская колонизация”, а движение родственного восточнославянского населения¹⁰⁴.

В украинской буржуазной историографии существовала тенденция к преувеличению степени разорения украинских земель (“пусток”), на которой основывалась теория полных “приливов и отливов” населения. Утверждение о постоянном движении населения будущей Украины на протяжении столетий, привело М. С. Грушевского к выводам, что “колониационные волнения не позволяли отвердеть ни общественным, ни политическим отношениям”¹⁰⁵.

Советский исследователь А. И. Баранович привел конкретный материал, опровергающий мнение о полном запустении украинских земель в XV—XVI вв. и теорию “приливов и отливов населения”. Он пришел к выводу, что “украинские земли” и в частности земли от Сейма и Десны до Полтавы были в XVI в. сравнительно хорошо заселены. В то же время Баранович не отрицает частичной гибели, ухода на север населения в определенные периоды, при опустошительных набегах татар, и большого количества переселенцев из северных земель в украинные во второй половине XVI — начале XVII вв., при усилении феодальной эксплуатации в Речи Посполитой¹⁰⁶.

Сохранившиеся люстрации южнорусских владений Литвы XV-XVI вв., а также некоторые документы Московского государства XVI-XVII вв. говорят о жизни, приспособленной к постоянной угрозе. Жили здесь суровые, воинственные люди, которые именуются севрюками (севруками). Больше всех упоминаний о севрюках в источниках XVI в., но уже в XVII в. упоминания о них очень редки, хотя количество источников этого времени возросло, а к началу XVIII в. они совсем исчезают со страниц источников. Хотя некоторые реки и города по-прежнему именовались в означенных источниках северскими, а область по среднему течению Десны с городом Стародубом дольше всего именовалась Северой, Северской землей¹⁰⁷.

Так кто же такие северюки или кого именуют источники XVI—XVII вв. северюками?

Известный польский историк А. Яблоновский видел в северюках промысловый люд, занимавшийся рыбной ловлей и охотой в отдаленных уездах. Происхождение их он связывал с тюркоязычными племенами, отмечая, что в начале XVI в. население это в общем имело славянский характер¹⁰⁸. А. Соболевский также объяснял происхождение названия “северук” от тюркского sawtug/sawtag¹⁰⁹. Свое мнение о тюркском происхождении северюков Яблоновский основывает на данных люстрации Киевского замка 1552 г. В списке киевских мещан¹¹⁰ встречается много прозвищ, указывающих на этническое происхождение их носителей: Литвин, Москаль и др. Значительное число лиц среди киевских мещан носит фамилию Северук (Северукъ). У двух из них имена явно тюркского происхождения: Карай, Охмат. Но, во-первых, таких имен всего два. Остальные имена архаичны и связаны с дохристианскими древнеславянскими именами (Томило, Шкода) или обычные христианские имена: Иван, Михаил и пр. Во-вторых, о факте оседания тюркоязычных племен в юго-восточных районах Северской земли в течение XIV—XVI вв., отмечаемом рядом исследователей (Д. И. Багалея, В. В. Мавродин, Г. А. Федоров-Давыдов и др.), писалось выше. Поэтому вполне возможно, что население наиболее южных районов Северской земли, непосредственно соприкасавшееся с населением степей, впитало в себя какие-то группы тюркского происхождения, сохранявшие в XVI в. свои древние имена, но считавшее себя уже северюками и под этими прозвищами записанные в списке киевских мещан, как выходцы из Северской земли.

Наиболее ранние сведения о северюках в известных нам русских источниках относятся к концу XV в. Они сообщают, что по рекам Трубеж, Сула, Псел, Ворскла, Орель жили северюки¹¹¹. В Никоновской летописи упоминается, что в Новгород-Северском княжестве были люди, которых называли северскими казаками или северюками¹¹². Историк XIX века Г. Карпов отождествлял казаков и северюков — “людей, носивших имя казаков, было много на службе Шемячича, и жили они около городов Путивля и Чернигова, на границе степи”¹¹³. По образу жизни северюки в самом деле напоминали казаков, живших в соседних степных областях Украины и Дона. Так же как казаки, они защищали свою землю от татар, занимались рыболовством, бортничеством, охотой в далеких уездах по Донцу, Осколу и в бассейне Дона¹¹⁴, а иногда не прочь были и пограбить. К примеру, в 1549 г. ногайский князь Юсуф сообщал Ивану IV, что находящиеся на Дону северюки нападают на купцов¹¹⁵. Видимо, подобные сведения о северюках приводили к отождествлению их с казаками. Даже советский исследователь А. Г. Слюсарский считает северюков “по положению и роду занятий казаками”¹¹⁶. Однако привлечение более широкого круга источников и всестороннее изучение вопроса свидетельствует о другом.

Мнение о том, что северюки это земледельческо-промысловое население, потомки летописной северы, остатки древних жителей Левобережья Днепра, высказывали некоторые дореволюционные исследователи¹¹⁷. На прием-

ственную связь населения XV—XVI вв. — севрюков — с древнейшим населением Северской земли — северянами указывали также советские исследователи В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков, Г. Н. Анпилов¹¹⁸. Преемственность эта подтверждается и происхождением названия “севруки-севрюки” от древнего “северяне” в результате снижения продуктивности суффикса —яни/-ани, вместо которого в XIV—XV вв. на юге восточнославянской территории распространяется суффикс —ук/-юк¹¹⁹. Древние северяне именуются теперь севруками (севрюками, северюками); жители Полесья зовутся полищуками, жители Пинщины — пинчуками и пр. В устном народном творчестве также нашло отражение представление о севрюках, как о древних, исконных жителях своей земли. Так в одной из исторических песен XVI века севрюки называются людьми “стародавними”, “живущими здесь давно”¹²⁰.

В разнородных источниках, относящихся к XV—XVII вв. севрюки многолики. Самое сложное, что о них обычно упоминается в связи с другими событиями — отсюда отрывочность, а порой и противоречивость сведений.

Такие исследователи как А. Яблоновский, М. Ф. Владимирский-Буданов, П. В. Голубовский, Д. И. Багалеи, В. В. Мавродин локализируют севрюков в сравнительно узком районе — по рекам Ворскле, Суле, Удаю. Связано это с характером известных им источников, где упоминаются севрюки. Это в основном люстрации замков XVI в.: Канева, Черкас, Киева и другие документы, собранные в многотомном издании “Архива Юго-Западной России”. Люстраторы часто называют всё Левобережье Днепра “Северской стороной”, а уходы по рекам Ворскле, Суле, Удаю — “сиверскими”¹²¹. Историки, пользовавшиеся преимущественно русскими источниками, считали, что севрюки жили в Новгороде-Северском, Чернигове, Стародубе, Рьльске, Путивле¹²². Современная исследовательница О. В. Русина считает, что “на основании данных литовского времени разрешить вопрос о локализации этого региона практически невозможно в связи с низкой информативностью письменного материала”¹²³. Впрочем, обратившись к методу экстраполяции и использовав актовый материал XVI-XVII вв. можно в целом очертить регион Северской земли XIV—XVI вв.

В результате войны 1500—1503 гг. Северская земля перешла к Московскому государству. Но полностью ли она вошла в его состав или существовали за пределами Московского государства населенные пункты, которые определялись современниками как северские. Судя по категоричности документальных свидетельств: “князь московский забрал вси земли сиверские и всю Сивер”, “все города сиверские и все Северу”¹²⁴ — это было действительно так. Подтверждается это и категорическим требованием Сигизмунда I, обращенном к Василию III в 1517 г., вернуть “все Северы”¹²⁵. По свидетельствам, которые охватывают время пребывания Северской земли в составе Московского государства (1503—1618 гг.), положение этого региона очерчивается следующими городами и населенными пунктами: Брянск, Гомель, Дроков, Курск, Мглин, Моровск, Новгород-Северский, Почеп, Путивль, Радогощ, Рьльск, Стародуб, Трубчевск, Чернигов. В 1537 г. Москва утратила Гомель, который

отошел к Литве¹²⁶, однако представление о нем как о северском городе сохранялось и в XVII в.¹²⁷ Остальные Северские города и земли оставались в составе Московского государства без изменений в течение всего XVI века¹²⁸.

В русских источниках XVI — первой половины XVII вв. севрюки чаще всего упоминаются в районе г. Путивля. Путивль был одинаково близок и к литовскому рубежу и к “дикому полю”. Такое положение придавало городу особенную важность: недаром он имел единственную на юге России в XVI в. каменную крепость и считался главным городом края¹²⁹. Московское правительство уделяло этому важному стратегическому пункту значительное внимание, поэтому и сохранилось больше всего источников по истории Путивля¹³⁰.

Другим районам Северной земли менее повезло в этом плане, однако отдельные свидетельства об их населении в XVI в. имеются. Так, в списке “обидных дел”, учиненных в перемирие польской стороной по отношению к Московским владениям, говорится, что “князь Александр Вишневецкий поставил новую слободу и острог на Лубне, и город хочет делати, а на Прилутцком городище на реке Удое в Черниговском уезде слободу же ставить хочет. А то Прилутцкое городище и река Удаю со всеми угоды по обе стороны искони наша земля Черниговского уезда, а была изначально та волость оброчная, а жили в ней бортники в нашем медвеном оброке. А после того волость, Прилутцкое городище, роздана в поместье при нашем отце... великом князе Иване Васильевиче... детям боярским черниговцом”. И далее сообщается, что люди князя Вишневецкого “людей наших севрюков из наших волостей выбили... больше двухсот человек побили. А волости наши Путивльские запустили, Хотенскую волость по Пслу и по Хоролу, волость Синетцкую, волость Клепетцкую, волость Тешковскую, а вверх по Удаю и по городище Прилутцкое по обе стороны Удаю реки Черниговского уезда, у детей боярских, у черниговцов поместья их запустили... А Новагородка Северского... волость бортную (запустили)... И ныне приходя ис тех мест с Лубны в Путивльский уезд, и в Черниговский, и в Рьельский, и в новгородский уезд, и наших сиверских городов в уезды по многим местам, наших детей боярских и севрюков бьют и грабят и досмерти забивают и в нашу землю во многие места вступаются, и угоды всякими владеют, и рыбу ловят”¹³¹.

Таким образом, источники свидетельствуют, что основной костяк населения Северной земли в XIV—XVI вв. составляли древние местные жители края, именуемые севрюками. Севрюки локализируются на значительной территории, охватывающей Черниговский, Новгород-Северский, Путивльский, Рьельский уезды, а также по рекам Ворскла, Псёл, Сула, Удаю, Трубеж. Эта территория в основном совпадает с областью распространения северянских памятников УШ-Х вв. (роменская археологическая культура)¹³², то есть с границами древней Северной земли.

Границы феодальных княжеств XI—XIII вв. как бы “скрыли” этнические границы древних племенных объединений восточных славян. Феодальные земли-княжества (Черниговское и Переяславское) соединили в своих грани-

цах не прежнее племенное единство, а различные группы: первое — северу, часть вятичей, радимичей и полян; второе — полян, северу и оседавшие по его рубежам кочевые группы. Но разрушение социальных родоплеменных связей отнюдь не является разрушением прежнего этнокультурного состояния населения (в смысле общности по языку, происхождению, территории, быту и т. д.). Эти связи сохраняются значительно дольше. В новых исторических условиях XIV-XVI вв. древние жители Северской земли как бы “проявляются” вновь под именем “севрюков-севруков”.

Севрюки выстояли в постоянной борьбе со степняками. До 1571 г. охрана степной границы Московского государства во многом зависела именно от “путивльских севрюков”, постоянно ездивших на Донецкие сторожи, посылая “вести” о приближении татар¹³³. Не случайно прославился как удачливый полководец и гроза крымцев князь Рьльский и Новгород-Северский Василий Иванович Шемячич.

В первые десятилетия XVI в. московские воеводы приходили в Северскую землю только во время больших крымских походов. В борьбе с крымскими набегами жителям Северской земли помогала и природа края. Здесь было много лесов и оврагов, затруднявших продвижение татарской конницы. С другой стороны, татары часто предпочитали не иметь дело с воинственными севрюками, а направлялись к Москве или Рязани, где можно было легче грабить и меньше рисковать. И только, когда в 50-х гг. XVI в. окончательно оформилась передовая оборонительная линия, защищавшая от крымских набегов Северскую землю, уезды за Окой и Рязанскую землю¹³⁴, Московское правительство заменило на донецких сторожах севрюков “прибранными” на станичную службу детьми боярскими, которые несли царскую службу “из поместий”, а также конными казаками, которые наделялись “земельным жалованьем” на территории Путивльского и Рьльского уездов¹³⁵. Вызвана эта замена была, конечно, не тем, что севрюки “стояли на сторожах неусторожливо”, а появившейся у Московского государства к тому времени возможностью заняться устройством постоянной оборонительной линии. Однако и после реформы сторожевой службы, встречаем указания на то, что севрюки продолжают участвовать в обороне своей земли от татар¹³⁶. Так же мужественно боролись севрюки и с вооруженными нападениями со стороны польских феодалов.

Польские феодалы в 80-е и начале 90-х гг. XVI в. в связи с приближением окончания срока действия перемирия 1582 г., заключенного между Россией и Польшей, энергично создавали отряды так называемых “воровских черкас” и поощряли их частые набеги на юго-западные пограничные уезды Московского государства. В “обидных списках” русских посольств в Польшу постоянно говорится о наездах, грабежах и убийствах станичников в поместьях, а в ухожьях* — бортников-севрюков¹³⁷. Севрюки устраивали иногда засады и рас-

* Ухожьи (ухожей) — участок, сдаваемый государством в аренду на несколько лет для сбора меда диких пчел, добычи пушных зверей, рыбной ловли.

правлялись с грабителями: например, в отписке царю путивльского воеводы от 1589 г. сообщается о набеге черкасских казаков, которые пограбили у путивльских северюков лошадей, хлеб, ружьицы, но северюки “оттормили” у них свои “борошны и лошади”¹³⁸. Необходимо отметить, что эти постоянные вторжения в Северскую землю со стороны Речи Посполитой носили характер не только грабежей, а чаще захвата территории и заселения её. Подданные Польского государства на захваченных у северюков землях “станы ставят”, и “в рыбных ловлях рыбу ловят”, “места заседают и слободы ставят”¹³⁹. В результате этой пограничной войны “запустошались” целые волости и постепенно туда проникали новые жители “черкасы”.

Иногда создается впечатление, что в социальном плане северюки — это те же казаки на службе у Московского государства. Однако отождествлять северюков с казаками нельзя. Итоговые сведения о социально-экономическом положении убитых и ограбленных жителей Путивльского и Черниговского уездов, приведенные Г. Н. Анпиловым в специальной таблице¹⁴⁰, говорят о том, что волощане-северюки принадлежали к категории государственных (дворцовых) крестьян, плативших медвяный оброк в царскую казну. Здесь же имеются сведения о начале закрепощения дворцовых крестьян. В одном из документов, относящихся ко времени походов Самозванца, о населении Северской земли говорится: “тутошние мужики северюки...”, “северюки мужики люди простые...”¹⁴¹. То есть, в массе своей северюки — это мужики, сидящие на своей земле и занимающиеся своими “мужицкими” делами, а мужиками, как известно, мало интересовались в те времена: удел их был в основном одинаков и в Литве, и в Польше, и в Московском государстве. Другое дело, когда северюки участвовали в обороне границы от татарских набегов, либо в столкновениях на московско-литовском рубеже — тогда сведения о них попадают на страницы разрядных и посольских дел. Характер этих источников и приводит порой к представлению о северюках как о социальной группе вроде казаков.

В вопросе о хозяйственных занятиях северюков также нет полной ясности. Люстраторы XVI в. говорят о северюках исключительно как о промысловом населении Левобережья Днепра, которое занимается рыбной ловлей, охотой, бортничеством в “уходах” по рекам Суле, Псле, Ворскле, Удаю и пр.¹⁴² Люстраторам выгодно было изображать Левобережные земли пустующими, без постоянного земледельческого населения, чтобы иметь основание на захват и заселение этих земель подданными Польско-Литовского государства. Свидетельством такой политики могут служить жалованные грамоты польских королей на раздачу земель в северских землях. В частности, в грамоте Сигизмунда III князю А. Вишневецкому говорится о “спущенье” с Вишневецкого “права его доживотного з дву северы — з одное на Коломаку, а з другое на Счучно речках (притоках Ворсклы)”¹⁴³. В другом документе — жалованной грамоте Сигизмунда-Августа черкасскому жителю Емельяну Ивановичу (1571 г.) — имеем детальное описание территориальных границ одной из “север” по реке Ворскле: “земли входной (то есть “уходной”) северы, за Черкасы

удвадцати милях”¹⁴⁴. Однако в указанной области несомненно было постоянное северское население, возможно, не очень многочисленное, но жившее не только в уходах, но и в “селищах”, об одном из которых говорится в документе 1552 г.: “Селище и городище за Днепром, у сивере на реце Ворскле, на имя Глинско”¹⁴⁵.

В русских источниках севрюки часто называются “бортниками”, а их занятию бортничеством уделяется особое внимание. Ещё в известном “Сказании о Мамаевом побоище” князь Дмитрий Рязанский говорил Андрею Полоцкому, что к нему приходили “медокормцы из Северы”¹⁴⁶, то есть уже в XV в. Северская земля была важным поставщиком меда. В XVI–XVII вв. севрюки-волощане платили медвяный оброк в царскую казну¹⁴⁷ и, в связи с этим, в актах писцового дела главным образом нашло отражение их занятие бортничеством. Вот несколько примеров из разных источников: “Меду пресного приходыть старосте на год 11 кадей с северы, з уходов тых, што на Ворскле (1552 г.)¹⁴⁸; “В той же реце Суле уход, названный Лужок, зо всеми пожитки и доходами тыми, которые бы одно из них здавна належали и выналезены были, меновите з сивера з даню медовою...” (1578, 1590 гг.)¹⁴⁹; “По всех северях с пять тысяч пчелы побили, меды побрали, пасечников порезали, побивали” (1648 г.)¹⁵⁰ и др.

Бортничество было широко распространенным промыслом на всей территории Восточной Европы в лесной и лесостепной зоне. Мед и изготовленные из него продукты занимали важное место в структуре питания восточных славян. Высоко ценился также воск. Поэтому добыча дикого меда охранялась нормами феодального права как в Древней Руси, так и в Литовском и Московском государствах. Того, кто “со пчолами дерево посечеть”, ожидала виселица¹⁵¹. Бортничество было развито в Северской земле ещё в последней трети 1 тыс. н. э.¹⁵² В древнерусский период обязательным атрибутом княжеского хозяйства были погреба для хранения меда¹⁵³. Так при разграблении двора Святослава Ольговича в Путивле в его медвяных погребах было найдено 5000 пудов меда¹⁵⁴. По данным литовской Метрики, бортные земли на Северщине представляли собой самостоятельные хозяйственные объекты — предмет “данин” великого князя литовского. Бортные угодья входили также в состав земельных владений в районе Чернигова, Путивля, Брянска¹⁵⁵.

Хозяйственные занятия севрюков во многом определялись природными условиями Северской земли. В географическом отношении на территории расселения севрюков можно выделить два основных района: северный (Полесье) с малопродуктивными почвами и значительными лесными массивами и южный — район лесостепи с плодородными почвами, удобными для земледелия¹⁵⁶. Михаил Литвин, бывший в 1544 г. в Киеве, пишет об его окрестностях, и это описание вполне отвечает условиям на левом берегу Днепра: “...пашни, вспаханные один раз двумя быками, дают богатую жатву, а необработанные поля производят травы и деревья с прекрасными плодами, питающие человека. Старые дубы и ясени, в которых образовались дупла, изобилуют роями пчел и сотами приятными цветом и вкусом. Зверей... множе-

ство” (буйволы, дикие ослы, олени, козы, кабаны, газели). “На берегах рек живет много бобров. Птиц удивительно много... реки до невероятности обильны всякого рода большой рыбой”¹⁵⁷.

Природные богатства южных районов Северской земли безусловно способствовали тому, что рыболовство, охота и бортничество играли значительную роль в хозяйстве населения. С другой стороны, постоянные татарские вторжения вели к сокращению обрабатываемых земель, к некоторому упадку земледелия в пограничных областях. На этом основании некоторые исследователи пишут о полном забвении земледелия¹⁵⁸, что, безусловно, неверно. Крестьянское хозяйство немислимо без хлеба, а значит и без выращивания его, особенно в XV—XVI вв., когда безраздельно господствовало натуральное хозяйство. Другой вопрос — о соотношении в хозяйственных занятиях этого времени между пашенным земледелием и промыслами. Ещё М. В. Довнар-Запольский считал, что “в XVI в. преобладающим типом хозяйства здесь было не земледелие, а эксплуатация ухажав”¹⁵⁹. М. С. Грушевский также считал, что на Северщине в XV—XVI вв. пашенное земледелие “делило свое значение в хозяйстве... с разными другими источниками доходов, а собственно занимало рядом с ними второстепенную позицию”¹⁶⁰. В современной литературе эту особенность экономики Северской земли исследователи определяют как преобладающее развитие промыслов — бортничества, рыболовства, охоты — в сравнении с земледелием¹⁶¹. Достаточно убедительное подтверждение этого вывода дают московские источники XVI в. — “обидные списки” 1580—90-х гг. — с перечнем “обид”, причиненных польско-литовской стороной. Среди названных “обид” на Северщине преобладают разорения бортей, рыбных ловлей, бобровых гонов и угон лошадей, однако говорится и об увезенном хлебе и сене¹⁶². Таким образом, в экономике Северщины этого времени преобладали занятия разнообразными промыслами при сохранении земледелия.

Ведущей отраслью земледелия было производство зерна. “Пашни” и пашенные земли” фиксируются документами того времени, а среди зерновых культур упоминаются прежде всего рожь и пшеница¹⁶³. Ехавший в конце XVI в. на Запорожье Эрих Лассота утверждает, что он видел среди полей деревянные срубы, из которых хлебопашцы отстреливались от неприятеля¹⁶⁴. О том, что северюки продолжали заниматься хлебопашеством в условиях постоянной военной опасности свидетельствует также тот факт, что черкасы грабили у них главным образом “борошна”, то есть хлеб¹⁶⁵. В описании г. Канева 1552 г. * говорится относительно Левобережья, что “земля по полям мещанам на пашню издавна была свободна, но недавно князь Владимирский, вышедши из Москвы, начал на тех землях с пашен мещанских брать десятину”¹⁶⁶. Плодородие пашенных земель в Северской земле отмечал в своих “Записках о Московии” С. Герберштейн¹⁶⁷.

О древних традициях земледелия в Северской земле свидетельствуют бортные знамена, изучавшиеся Г. Н. Анпиловым на основании путивльских и рьльских переписных материалов конца XVI начала XVII вв. Среди ри-

сунков бортных знамен, изображающих различные орудия труда, предметы хозяйственного снаряжения, быта, природы, большое место занимают сельскохозяйственные орудия, особенно сохи и орики (то есть рала)¹⁶⁸. Археологические материалы этого района дают разнообразные сельскохозяйственные орудия XIV—XV вв., аналогичные древнерусским¹⁶⁹. О распаханной земле в урочищах бортных ухожеев упоминают писцовые материалы¹⁷⁰. Распашей-клинов было довольно много в расположении бортных ухожеев, поэтому в хозяйстве земледельцев-бортников потребность в различных пашенных орудиях была велика. Среди названий бортных знамен, упоминаемых в рыльских и путивльских писцовых книгах встречаются “острова”, “островка”. Согласно этнографическим материалам XX в. на севере и у белорусов одна из частей приспособления для хранения и сушки снопового хлеба, сена, гороха, льна и т. д. называется “острови” и представляет собой ель с частично обрубленными сучьями¹⁷¹. Наличие подобных приспособлений в ухожеех несомненно свидетельствует о земледельческих занятиях их хозяев.

В северных районах — северная Черниговщина, Стародубщина — земледелие, основанное на расчистке лесных участков, также имело древнюю и прочную основу¹⁷², но из-за низкой урожайности малоплодородных почв, лесные промыслы (бортничество, собирательство, охота) играли существенную роль в хозяйстве населения. Важность этих промыслов для населения всех районов Северной земли обуславливалась, начиная с княжеских времен и вплоть до XVIII в., необходимостью платить дань государству главным образом медом, а также скорою (мехами), сеном¹⁷³.

Города Северной земли — Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Стародуб, Брянск — отделялись один от другого обширными лесными массивами. Вот как об этом пишет С. Герберштейн: “вокруг Брянска — огромный лес”, “Чернигов расположен за большим лесом, который достигает 24 миль в ширину”. По словам Герберштейна, в этих лесах водились “огромное количество горностаев, белок и куниц”¹⁷⁴. О богатстве животного мира Северной земли свидетельствуют и более поздние по времени данные (конец XVIII в.) о стародубской ярмарке, на которую привозили “з сотень Мглинской и Новомеской ведмежие, волчье, лисичье, куничье, беличьи, рыси, горносталя, коз диких, бобровые и выдровые кожи”¹⁷⁵. Естественно, в таких условиях охота была постоянным занятием населения, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания о “сочении зверя”, “бобровых гонах”, “бобровых берегах” и “ловищах” в жалованных грамотах¹⁷⁶. Особенно ценился в то время куний мех, в связи с чем характерной выглядит жалоба депутации киевлян к Сигизмунду I об утрате путивльских волостей, с которых они “кони... ездживали и шубы теплы куньи одевали”¹⁷⁷.

Наличие разветвленной речной сети и большое количество рыбы¹⁷⁸ способствовало развитию рыболовства. Археологические раскопки выявили рыболовные снасти XIV—XV вв. (ости, крючки, грузила и пр.) сходные с древнерусскими¹⁷⁹.

В целом сведения о хозяйстве в Северной земле XV—XVI вв. очень скудны, что неоднократно отмечалось в литературе. Однако, исследуя сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., Н. Рожков пришел к выводу, что хозяйство Северских уездов этого времени не было в упадке¹⁸⁰. Таким образом, в XIV—XVI вв. на территории Северной земли жило древнее местное население северюки, занимавшееся земледелием, бортничеством, а также рыболовством, собирательством и охотой.

Начиная с XVII в. все меньше и меньше встречается упоминаний о северюках, а к середине XVII в. наименование это почти исчезает со страниц источников. Ну а население, именовавшееся в XV—XVII вв. северюками, исчезло ли оно вместе с названием или выступает уже под иным именем?

Ещё в начале XVI в., войдя в состав Московского государства, Северская земля стала одним из звеньев в системе обороны “крымской украины”, а население её частично привлекалось к участию в обороне границы. Проведенная московским правительством в начале 70-х гг. XVI в. перестройка станичной и сторожевой службы на поместной основе, одновременно подорвала старое феодальное оброчное и посадское землевладение, господствовавшее здесь раньше. Об этом, в частности, свидетельствуют факты, сообщаемые отдельной книгой 1594 г. по Путивльскому уезду¹⁸¹. Подобный процесс характерен и для других городов и уездов восточной части Северной земли — Рязьска, Новгорода-Северского. В западной части Северной земли (Черниговский уезд), которая меньше страдала от татарских нападений в силу природной защищенности лесами и реками, развитие поместного землевладения началось значительно раньше¹⁸².

В Московском государстве конца XVI — начала XVII вв. класс феодалов оформился ещё недостаточно четко. Сложившиеся в XIII—XIV вв. верхние этажи социальной пирамиды на Руси делились на бояр, слуг вольных и слуг поддворскими. Первые две группы обладали на своих землях широкими полномочиями: они судили население своих сел за все проступки и преступления. Слуги поддворскими (дворский — управляющий княжеским хозяйством), мелкие феодалы-землевладельцы, верной службой зарабатывали своё благополучие. Значительные изменения произошли в структуре феодального класса в XV в. Став подданными государя, удельные князья сохранили право собственности на свои земли, однако их владения по статусу всё больше сближались с боярскими вотчинами. Князья и бояре платили налог местным властям, но имели законное право проживать и служить где и кому хотят. Боярин мог покинуть князя без предупреждения в любой момент, воспользовавшись правом “отказа”. Недаром государи и удельные князья предпочитали боярам услуги холопов и зависимых людей. Однако право “отказа” являлось гарантией боярской свободы лишь до тех пор, пока его обладателям было куда уйти. После становления Московского государства они потеряли это право, а других гарантий независимости у них не было изначально.

Но наиболее важными для центральной власти были ее отношения с основной массой феодалов. Последние составляли основу войска, а значит,

должны были иметь земельную собственность, так как государство не могло обеспечить их вооружением и лошадьми. Иными словами, великий князь, а затем и государь должны были проводить широкие земельные раздачи и в то же время гарантировать сохранность земель каждого феодала, не допускать смены их владельца. Поэтому служилые люди, получившие от князя земли, не имели права продавать или дарить их. Таких феодалов называли помещиками (от “испомещенный на новых землях”), а их владения — поместьями¹⁸³. Раздавать поместья за службу особенно удобно было на окраинных землях¹⁸⁴, какой в XVI—XVII вв. была Северская земля.

Отдельная книга 1954 г. сообщает о происхождении помещиков из путивльских детей боярских, стрельцов, белодворцев, посадских людей, а также из волощан-севрюков¹⁸⁵. Это свидетельствует о том, что в высшую категорию служилых людей — “служилых по отечеству” (по происхождению) — ещё был открыт доступ из приборных служилых людей, а также различных “вольных” людей, то есть процесс кристаллизации классов и сословий на Руси ещё не получил окончательного завершения.

В период средневековья этническое самосознание было многозначным и не всегда отчетливым; оно часто отгеснялось на второй план “земляческим” (узкотерриториальным) или религиозным самосознанием, чувством принадлежности “своему” сюзерену и т. п.¹⁸⁶ Севрюки, попавшие в одну из категорий служилых людей Московского государства, быстро теряют свое былое название. Ещё в конце XVI в. они упоминаются в отдельной книге г. Путивля, а уже росписной список Путивля 1626 г. не говорит о них ни слова. В то же время, примерно до середины XVII в. в источниках иногда употребляется название “севрюк” применительно к местным жителям Слободской Украины, интенсивно заселявшейся в то время так называемыми черкасами. В челобитной белгородского попа за 1657 г. говорится о севрюках, которые издавна жили и занимались промыслами во владениях Николавской церкви по рекам Лопань и Харьков, а теперь там поселились черкасы¹⁸⁷. Некоторые исследователи приводят свидетельства документов за 1639 и 1647 гг. о том, что в бассейнах рек Ворсклы, Псла, Северского Донца были промыслы и “вотчины” (то есть ухожеи) севрюков¹⁸⁸. Однако, в тех немногочисленных документах XVII в., где упоминаются севрюки, заметна тенденция чаще именовать их путивльцами, рьяльцами, белгородцами, черниговцами или согласно наименованиям различных категорий служилых людей. Так в документе, относящемся к 1653 г., путивльский воевода Арсеньев сообщает о столкновениях местных государевых бортников севрюков с черкасами, которых правительство поселило “в новый Сумин город”, построенный в устье реки Сумы¹⁸⁹. Автор воеводской “отписки” явно предпочитает именовать местных жителей “путивльскими бортниками”, “государевыми бортниками” и только дважды называет их “севрюками”. Аналогичны этому другие документы, где название “севрюк” вообще не употребляется, но речь идет о местном населении путивльского, рьяльского и других уездов бывшей Северской земли¹⁹⁰.

Дольше всего название “севрюк” держится в районах Слободской Украины, которые были окончательно освоены государственной властью только во второй половине XVII в. Но и применительно к этим районам упоминания о севрюках исчезают в документах примерно с середины XVII в. А. Г. Слюсарский считает, что это связано с переходом севрюков в казачество¹⁹¹. Думается, что такое объяснение справедливо только для какой-то части севрюков — служилых людей, казаков. Население восточной части бывшей Северской земли в XVI—XVII вв. попадает в сферу социально-экономической и политической системы Русского государства и постепенно утрачивает свое былое название. Основная масса этого населения — мужики-севрюки превращается в крепостных крестьян.

Севрюское население западной части бывшей Северской земли исторически было более тесно связано с областью Среднего Приднепровья, где шел процесс формирования украинской народности и государственности. В условиях тревожной пограничной жизни королевское правительство Речи Посполитой не только терпело казацкие поселения на юге, но само попыталось создать в первой половине XVII в. на севере казацкие отряды, предоставляя земельные участки за службу по 4 волюки (примерно 19 десятин пахотной земли) на коня. Были организованы сотни: Стародубская, Мглинская, Трубчевская, Почепская и др.¹⁹², но количество записанных в них казаков (реестровых) было небольшим в сравнении с массой крестьянского населения¹⁹³. Однако социальное значение новой системы землепользования и административного устройства, по-видимому, было значительным для общественной жизни северного Левобережья. Поэтому севрюки Черниговщины и Переяславщины несколько раньше утратили не только свое название, но и свою областную обособленность.

В то же время память о древнем названии жителей Северской земли сохранилось в ономастике (этнонимии и топонимии) края. Говоря о топонимах, связанных с названием “севера”, следует иметь в виду, что их не так уж много. Общеизвестно название города Новгорода-Северского, реки Северский Донец, а также в XVII—XVIII вв. г. Стародуб именовался Северским. Однако кроме этих топонимов, в Генеральном описании Левобережной Украины 1765—1769 гг. (Румянцевская опись) не зафиксирован ни один населенный пункт с названием, связанным с этнонимом “севера”, “севрюк”¹⁹⁴. По сведениям Черниговского статистического комитета в конце XIX в. в Черниговской губернии известен только автор “Северюков” Стародубского уезда¹⁹⁵. Понятно, что жители Северской земли, северянам, а затем севрюкам не было необходимо называть свои поселения, реки, урочища и пр. “северскими” или “севрюковскими”. Не случайно сохранившиеся топонимы встречаются либо в области, куда продвигалось северское население (Северский Донец) и осваивало их, либо в пограничных районах северского расселения, где шло разграничение групп населения. Так, в некоторых документах Поместного приказа сохранились сведения об урочищах, колодцах, гатях, носивших названия “севрюцких”, “севрючих”. В Белгородской отказной книге 1637 г. говорит-

ся об урочище “Севрючий колодезь избище”, находившимся на р. Липовом Донце против Непхаева болота¹⁹⁶. Урочище “Севрюцкое гатище” в верховьях р. Псёл упоминается в отказной книге Обоянского уезда за 1665 г.¹⁹⁷

Но топоним “севрюк” встречается не только на юго-востоке бывшей Северной земли, где дольше всего держалось наименование местного населения севрюки. Известен он и на северо-западе края, в области соприкосновения древних северских поселений с радимичскими. Еще в 70-х гг. XVIII в. на левом берегу р. Сож против г. Гомеля существовали сельцо и деревня Севрюки, а неподалеку упоминается большой лесной массив Севрюковская пушца¹⁹⁸. Впоследствии бывшая деревня была переведена в ранг города и получила название город Новая Белица, а ее жители были записаны в мещане, однако старое название сохранилось в наименовании слободы Севрюки¹⁹⁹.

Этноним “севрюк” встречается в источниках XVII—XVIII вв. в виде прозвищ и фамилий среди различных социальных групп населения Северной земли. Например, в списке Новгород-Северских служилых людей, которые “сидели в осаде” встречаем Богдашку Севрюкова среди детей боярских, Севрючку Данилова среди имен жилецких стрельцов²⁰⁰. В одном из документов Разрядного приказа сообщается о побеге от боярина князя Лыкова его крепостного человека Война Севрюкова, приводится интересное описание внешности и одежды этого “вора и изменника”, а также упоминаются его братья родные “такие же воры и изменники” Бушумко да Дунамко Севрюковы²⁰¹. Попутно отметим, что у севрюков значительно дольше, чем в целом у восточных славян, сохранялись древние дохристианские славянские имена. В документе 1614 г. некий драгун Изот Севрюков просит о переводе его на службу из одного города в другой²⁰². В реестре казацкого войска Сагайдачного среди имен полковников встречаем Цепюру Севрука²⁰³. В списке дворян Острогожской провинции (современная Воронежская область) 1767 г. встречаем фамилию Сиверский²⁰⁴. В наше время лингвист В. Г. Денисевич, изучая историю диалектных слов употребляемых в Курско-Белгородских говорах, зафиксировал в ряде районов этих областей фамилию “Севрюков”. При этом Денисевич отмечает, что слово “севрюк” используется как прозвище и фамилия многих старожилов, предки которых переселились в Курский край из Путивля и междуречья Сейма и Десны²⁰⁵. Всё это свидетельствует о том, что севрюки не исчезли, так сказать, физически, как население данной территории. Исчезло их название и выделение их как особой группы.

Как и топонимы, происходившие от слова “севрюк”, этнонимы, связанные с этим названием чаще встречаются не на собственно северской территории, а в пограничных или соседних областях, то есть там, где человек получал прозвище или фамилию по названию края, откуда он родом. Например, прозвище “Севрюк” встречается в иллюстрациях Киевского, Черкасского, Каневского замков, но его нет в описании Остерского замка. Тем самым фиксировалась принадлежность самого носителя имени или его предков к отличной от окружающего населения группе. В самом деле, какой смысл называться “севрюком” среди севрюков или “литвином” на территории Литовского государ-

ства. Заметим, что на территории Северной земли довольно часто встречаются фамилии Литвин, Литвинченко, Москаль, Коломыец, Бойко, Барышполец, Ляшок и др.²⁰⁶, свидетельствующие о происхождении их носителей из разных областей или государств. Но появляются такие фамилии в значительном количестве, как правило, в документах не ранее XVII—XVIII вв.

Таким образом, северяки — это исконное население Северной земли, потомки древней северы. В XIV—XVI вв. они представляли собой особую группу древнего восточнославянского населения. В силу исторических условий, в которых оказалась Северская земля после монгольского нашествия, её древние жители сохраняли свою “особность” вплоть до XVII в., когда они были втянуты в процесс формирования украинской и русской народности. Причем северяки не составили какой-то отдельной социальной или этносоциальной группы в составе русского или украинского народа, они органически влились в сам процесс формирования этих народов. Та часть северяков, что попала в служилое сословие, особенно быстро потеряла свое былое наименование. Основную массу населения Северной земли — мужиков-северяков — постигла впоследствии участь всех мужиков России — закрепощение.

О северяках XV—XVII вв. сведения отрывочны и скудны, чтобы охарактеризовать их как определенную этническую общность. О. В. Русина, изучавшая историю Северной земли в составе Великого княжества Литовского, определяет эту область как диалектно-этнографическую, отмечая что этнокультурные особенности её населения сложились в процессе “колонизации ими Левобережья Днепра и метисации на основе локального этноsubstrата”²⁰⁷. Мы знаем, что северяки жили на территории, в целом совпадающей с границами летописной северы, а русские, литовские и польские источники XIV—XVI вв. называют жителей Северной земли “северяками”; это же название сохраняется в этнонимии и топонимии края и смежных районов. Оно происходит от названия древнейших обитателей Северной земли “северян” и, по всей видимости, было самоназванием местного населения этого края в XIV—первой половине XVII вв.

Отечественные исследователи, занимаясь типологизацией этнических общностей, отмечают наличие у этих общностей переходных состояний. При этом подобные состояния могут быть обусловлены процессами, протекающими как в социально-экономической, так и в этнической сфере. Чаще всего переходные состояния этнических общностей связаны с переходными периодами общественного развития²⁰⁸. Период XIV — начала XVII вв. — время формирования народностей у восточных славян²⁰⁹. При этом, если с одной стороны, протекает процесс, направленный на объединение в народность различных этнических групп, главным образом родственных восточнославянских, то, с другой — ещё долго продолжалось этноэволюционное развитие этих групп²¹⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Севрюки, без сомнения, потомки летописной северы, локальная группа древнерусского населения, в силу исторических условий продолжавшая свое этноэволюционное развитие вплоть до начала XVII века. Геополитическая нестабильность на территории Северной земли в XIV—XVI вв., определявшаяся неоднократными передвижками границ между Московским государством, Великим княжеством Литовским и Польским королевством, боровшимися за территориальное наследие исторической Руси, способствовала более длительному сохранению этнокультурной обособленности населения этого региона по сравнению с другими регионами восточнославянского мира. Наиболее часто переходные состояния этнических общностей, таких как севрюки, завершаются изменением не только их этнических свойств, а прежде всего сменой этнического самосознания²¹, что неизбежно выражается в смене самоназвания. Именно этот процесс, происходивший в Северной земле, прослеживается в письменных источниках XVII века: этноним “севрюки” исчезает.

В формировании новых этносов немалую роль играет взаимодействие многих этнических элементов, особенно в формировании таких крупных этносов как русский и украинский. Севрюки явились одним из таких этнических элементов в процессе формирования украинского и, в меньшей степени, русского народа. В XVII в. завершается “этническое растворение” севрюков, как отдельной этнокультурной группы населения. Основным фактором, способствовавшим этому “растворению”, послужили социально-политические изменения, происходившие на территории Северной земли в XVII—XVIII вв. и связанные с ними переселенческие движения.

Библиографические ссылки

¹ Дискуссии вокруг проблем этничности, развернувшиеся на рубеже 80-90-х годов, привели к пересмотру стадиально-исторического принципа типологизации этноса. В “Концепции государственной национальной политики”, принятой в 1996 г. понятия “народ”, “национальность” используются в этнокультурном значении. — Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1998. С. 27-35.

² Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1881; Багалей Д. И. История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1882; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940.

³ Грушевский М. С. Історія України-Русі. Т. 1, 3-е издание, Київ, 1913, с. 3-6, 18-20.

⁴ Грушевский М. С. Чернігів і Сіверщина в українській історії. // Чернігів і нівнічне Лівобережжя. Київ, 1928, с. 114-115.

⁵ Jablonowski A. Polska XVI w. pod względem historyczno-statycznym, tt. 9-11, Ukraina. — Złoda dziejowe, tt. 20-22, Warszawa, 1894-1897; Левобережная Украина в XV-XVI вв. // Киевская старина, 1896, № 5; Zaludnienie Ukrainy. // Pisma Aleksandra Jablonowkiego, t. 1, Warszawa, 1910, s. 72-197; Gospodarka polska na Zadnieprzu siewierskim. — Przegląd Historie, t. XIX, Warszawa, 1915.

⁶ В диссертации Н. Б. Шеломановой подробно разбирается вопрос о государственных границах Польши и России в XVI и XVII вв. Она доказала ошибочность существовавших долгое время представлений о рубежах этих государств в XVI в. — Образование западной части территории России в XVI в. в связи с её отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. М., 1970.

⁷ Kuczynski S. M. Zziemie Czernihowsko-Siewierskie pod kzadami Litwy. Warszawa, 1936.

⁸ Население Юго-Западной России от второй половины XIII в. до половины XV в. // Архив Юго-Западной России. Ч. УП, т. 1; Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569). // Там же. Т. 2.

⁹ Багалей Д. И. Очерки истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; Грушевский М. С. Історія України-Русі. Т. УП, Київ-Львів, 1909.

¹⁰ Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История отечества: люди, идеи, решения. Очерк истории России 9 — начало 20 вв. М., 1991.

¹¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 45, 246.

¹² ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 117-118.

¹³ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М. 1962. Ст. 840, 860-862.

¹⁴ Там же. Ст. 872, 892.

¹⁵ Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 91, 129-130, 146-148, 174-176, 194-196, 215-217; Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 130-131.

¹⁶ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska Zmudzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Cz. 1. S. 247-248; Kronika Polska Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. T. 1. S. 257; Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. С. 171-172; Хроника литовская и жмойтская // ПСРЛ. Т. 32. С. 23-24.

¹⁷ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 70-77; Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 158-172; Русина О. В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 55-56.

¹⁸ Летописи белорусско-литовские. С. 96, 153, 180, 200, 221; Хроника Быховца. С. 137.

¹⁹ Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912. С. 1-12.

²⁰ Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1916 г. Т. XX1. Кн. 1. Пг., 1916. С. 48-70.

²¹ Петрунь Ф. Українські степи за ранньої татарської та за литовської доби: Замітки і зауваження // Полуднева Україна. Київ, 1930. С. 160; Kuczynski S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rzadami Litwy. Warszawa, 1936. S. 106-108; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху XV Возрождения: (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 156; Батура Р. К. Борьба Литовского великого княжества против Золотой Орды: От нашествия полчищ Бату до битвы у Синих Вод. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Вильнюс, 1972. С. 20-21; Шабульдо Ф. М. Про початок приєднання Великим князівством Литовським земель Південно-Західної Русі // Український історичний журнал. 1984. № 6. С. 44-46; Его же. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 26-31; Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века. М., 1983. С. 243-244; Гудавичюс Э. По поводу так называемой “диархии” в Великом княжестве Литовском // Феодализм в Балтийском регионе. Рига, 1985. С. 39; Ставский В. И. “Киевское княжение” в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 98-99; Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV ст. до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 84; Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993. С. 94-96.

²² Русина О. В. Указ. соч. С. 60-66.

²³ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 10. М., 1965. С. 228; Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Ст. 65.

²⁴ Андріяшев О. Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку. // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. Кн. 20. Київ, 1928. С. 116; Kuczynski S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 116-120; Клепатский П. Г. Указ. соч. С. 16-22; Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 65.

²⁵ Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда // Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1. С. 115; Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев, 1889. Т. 1. С. 209; Любавский М. К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 44; Клепатский П. Г. Указ. соч. С. XXIII; Андріяшев О. Указ. соч. С. 21; Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII-XIV в.: (По материалам археологических исследований). Киев, 1982. С. 37.

²⁶ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 307; Грушевський М. С. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 3. С. 179.

²⁷ Флоря Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 60-65.

²⁸ Русина О. В. Указ. соч. С. 79.

²⁹ Грушевський М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 494-496.

³⁰ Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 181-191.

³¹ Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 151-152.

³² Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 4. С. 43, 47.

³³ Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 95. С. 153-154.

³⁴ Бойко О. Д. Історія України. Київ, 1999. С. 81-83; Субтельний О. Україна. Історія. Київ. 1993. С. 98; Русина О. В. Указ. соч. С. 85-87.

³⁵ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 4. С. 67-68.

³⁶ Козубовський Г. А. Сіверські монети XIV ст. Київ, 1992. С. 40.

³⁷ Это перемирная грамота Ольгерда с великим князем московским Дмитрием Ивановичем 1372 г. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950. № 6. С. 22; Грамоты XIV ст. № 23. С. 47; Сказания и повести о Куликовской битве. С. 17, 36.

³⁸ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси... С. 253.

³⁹ Летописи белорусско-литовские. С. 223; Хроника Быховца. С. 141.

⁴⁰ Рогожский летописец. Ст. 138.

⁴¹ Описание дискуссий по этой проблеме в исторической литературе см.: Русина О. В. Указ. соч. С. 165-166.

⁴² Там же. С. 173-174.

⁴³ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 14, 28-30, 45-46, 49-51, 53, 57, 82, 116.

⁴⁴ Бережков Н. Г. Литовская Метрика как исторический источник. М.; Л., 1946. С. 57, 71-77, 116.

⁴⁵ Московский летописный свод конца XV века. С. 266-269.

⁴⁶ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 123, 744-746; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее Акты Западной России). Т. 1. № 139. С. 163-164.

⁴⁷ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 123; Акты Западной России. Т. 1. № 139. С. 163-164.

⁴⁸ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг., 1918. С. 409; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 407-408; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 49; Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995. С. 63.

⁴⁹ Андрияшев О. Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI ст. С. 126; Русина О. В. Указ. соч. С. 108-109.

⁵⁰ Акты Литовской Метрики. Вып. 1. № 223. С. 88; № 339. С. 131; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 510, 516-517.

⁵¹ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1. С. 712-713.

⁵² Акты Литовской Метрики. Вып. 1. № 328. С. 128; Вып. 2. № 471. С. 21; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 643-644.

⁵³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 330 об. -331; Акты Литовской Метрики. Вып. 2. № 435. С. 5.

⁵⁴ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 245-246, 284; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 330 об. -331.

⁵⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Поместное право в древнюю эпоху XV Литовско-Русского государства // ЧИОНЛ. 1889. Кн. 3. С. 76-78; Любавский М. К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства. С. 703-704.

⁵⁶ Акты Литовской Метрики. Вып. 2. № 471. С. 21; № 511. С. 43; Акты Западной России. Т. 1. № 178. С. 202; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 727.

⁵⁷ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 142; Довнар-Запольский М. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905. Приложения. № 1. С. 3-5.

⁵⁸ Kuczynski S. M. Ziemia czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 251-252, 370.

⁵⁹ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 306 (1488 г.).

⁶⁰ Довнар-Запольский М. В. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. С. 54-55.

⁶¹ Русина О. В. Указ. соч. С. 125.

⁶²Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 28, 51, 426, 644-645, 734, 735, 736; Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 279. С. 109; № 339. С. 131-132; № 385. С. 153; Вып. 2. № 434. С. 4; № 437. С. 6; № 511. С. 43.

⁶³Леонтович Ф. И. К истории административного строя Литовского государства (отгиск с “Варшавских университетских известий” 1899 г.). С. 71; Любавский М. К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства. С. 302.

⁶⁴Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 754.

⁶⁵РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 6. Лл. 137-143.

⁶⁶Акты Западной России. Т. 2. № 204. С. 368-370.

⁶⁷Там же. Т. 3. СПб., 1848. № 52. С. 157-158.

⁶⁸Кулиш П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. 1. № 7. С. 17-19; Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли. С. 83; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 12; Ульяновский В. И. Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993. Ч. 1. С. 65.

⁶⁹Русина О. В. Указ. соч. С. 154-155.

⁷⁰Торговля на Україні: XIV — середина XVII століття (Волинь і Наддніпрянина). Київ, 1990. № 11. С. 25-26.

⁷¹Там же. № 56. С. 76-77.

⁷²Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956. С. 66-95.

⁷³Сборник имп. Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 35. С. 22-23, 26, 260; Акты Западной России. Т. 1. № 157. С. 178.

⁷⁴Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 463-464; Торговля на Україні. № 18. С. 34-35.

⁷⁵Сб. РИО. Т. 35. С. 9-10 (1488 г.); Демченко В. Торговля Москвы с Литвой, Крымом и Турцией по дипломатическим сношениям эпохи Ивана III и Василия III // *Minerva*. Киев, 1917. Вып. 6. С. 61.

⁷⁶Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 218, 220; Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 195. С. 75; Торговля на Україні. № 16. С. 31.

⁷⁷Фехнер М. В. Указ. соч. С. 17.

⁷⁸Акты Литовско-Русского государства. № 33. С. 63.

⁷⁹Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 707.

⁸⁰РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 223. Л. 183 об.; Русина О. В. Указ. соч. Приложение. С. 212.

⁸¹Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. С. 712-713.

⁸²Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. С. 265-266; Клепатский Р. Г. Очерки по истории Киевской земли. С. XL.

⁸³Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971. С. 74-75, 77-78, 80.

- ⁸⁴ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. С. 224, 267.
- ⁸⁵ Дашкевич Я. Україна на межі між Сходом і Заходом (XIV-XVIII ст.) // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1991. Т. ССХХІ. С. 43.
- ⁸⁶ Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі: До питання про татарську Україну // Східний світ. 1928. № 2. С. 175-187.
- ⁸⁷ Там же. С. 178.
- ⁸⁸ Акты западной России. Т. 1. № 183. С. 211.
- ⁸⁹ Сб. РИО Т. 35. № 62. С. 291.
- ⁹⁰ Акты Западной России. Т. 1. № 1. С. 1; Т. 2. № 6. С. 4.
- ⁹¹ Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі. С. 177, 180, 185.
- ⁹² Dziadulewicz S. Pierwiastek turanski u szlachty ukraińskiej // Miesiecznik Heraldyczny. 1931. S. 133-140.
- ⁹³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 401-405; Хорошкевич А. Л. Россия и мировые торговые пути конца XV в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 34, 37.
- ⁹⁴ Грушевський М. С. Козаки в 1470-х рр. // Записки наукового товариства ім. Шевченка. 1903. Кн. 6. С. 2.
- ⁹⁵ Сб. РИО. Т. 35. С. 9-12, 25-32, 43-45, 63-65 (1488-1492 гг.).
- ⁹⁶ Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 93.
- ⁹⁷ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 89; Батура Р. К., Пашуто В. Т. Культура Великого княжества Литовского // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 101; Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. С. 233.
- ⁹⁸ Київський літопис першої чверті XVII ст. // Український історичний журнал. 1989. № 5. С. 105; Хроника литовская и жмойтская. С. 95.
- ⁹⁹ Русина О. В. Указ. соч. С. 183-200.
- ¹⁰⁰ Сб. РИО. Т. 35. С. 380.
- ¹⁰¹ Там же. С. 399-400.
- ¹⁰² Там же. С. 460.
- ¹⁰³ Акты Западной России. Т. 2. № 43. С. 53-56.
- ¹⁰⁴ Население Юго-Западной России от второй половины XIII в. до половины XV в. // Архив Юго-Западной России (далее АЮЗР). Ч. УП. Т. 1. Киев, 1886; Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569) // АЮЗР. Ч. УП. Т. 2. Киев, 1890; Акты о заселении Южной России XVI-XVIII вв. // АЮЗР. Ч. УП. Т. 3. Киев, 1905.
- ¹⁰⁵ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 1. Київ, 1913. С. 13-15.
- ¹⁰⁶ Баранович А. И. Население предстепной Украины в XVI в. // Исторические записки АН СССР. 1950. Т. 32. С. 198-232.
- ¹⁰⁷ Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 19, 33, 73, 83, 132, 133, 178, 179, 198, 262.

¹⁰⁸ Левобережная Украина в XV-XVI вв. (изложение работы А. Яблоновского “Zadnieprze” // Киевская старина. 1896. № 5. С. 92.

¹⁰⁹ Соболевский А. Население Украины в XVI в. // Живая старина. СПб., 1893. Вып. III. С. 398.

¹¹⁰ АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 115-116.

¹¹¹ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделом собственной его императорского величества канцелярии. Т. П. СПб., 1851. С. 900-901.

¹¹² ПСРЛ. Т. XIII. С. 176, 215.

¹¹³ Карпов Г. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462-1508. М., 1867. С. 39.

¹¹⁴ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 210. Оп. 6-Д. Д. 146. Л. 1.

¹¹⁵ Собрание государственных грамот и договоров (далее СГГД). Т. III. С. 227-233; Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 8.

¹¹⁶ Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII-XVIII вв. Харьков, 1964. С. 50.

¹¹⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской Унии (1569) // АЮЗР. Ч. УП. Т. 2. С. 45-46, 134, 175, 189; Лазаревский А. М. Лубенщина и князья Вишневецкие // Киевская старина. 1896. № 1. С. 127; Падалка Л. В. Прошлое Полтавской территории и ее заселение. Исследования и материалы. Полтава, 1914. С. 45-47; Василенко Н. П. Колонизация Левобережной Украины и движение украинского населения в пределы Московского государства // Василенко Н. П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. Киев, 1916. С. 553-554; Андрияшев О. Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку.

¹¹⁸ Виноградский Ю. До історії колонізації середньої Чернігівщини // Исторично-географічний збірник. Київ, 1931. Т. 4. С. 139, 143; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). Л., 1940. С. 61-67; Рыбаков Б. А. Поляне и северяне // Советская этнография. 1947. № 6-7. С. 94; Анпилогов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник (по Путивльским и Рьльским переписным материалам конца XVI и 20-х гг. XVII в.) // Советская археология. 1964. № 4. С. 166.

¹¹⁹ Денисевич Г. В. К истории диалектных слов, употребляемых в говорах Курско-Белгородского края // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 68. Воронеж, 1969. С. 186-187; Стрижак О. С. Северяни // Мовознавство. 1973. № 1. С. 66; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. С. 589.

¹²⁰ Исторические песни XIII-XVI вв. М.; Л., 1960. С. 279-281.

¹²¹ АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 97-98, 103, 594 и др.

¹²² Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. УП. Ч. 3. СПб., 1792. С. 23, 75; Карамзин Н. М. История Российского государства. Т. УП. СПб., 1819. Примечание 301: историческое описание земли Войска Донского. С. 8.

- ¹²³ Русина О. В. Указ. соч. С. 41-42.
- ¹²⁴ Акты Западной России. Т. 2. № 181. С. 334; Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т. 35. С. 166, 234.
- ¹²⁵ Сб. РИО. Т. 35. С. 509.
- ¹²⁶ Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 59. С. 126.
- ¹²⁷ Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. С. 57.
- ¹²⁸ Шеломанова Н. Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с её отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1970. С. 465-466.
- ¹²⁹ СГГД. Ч. 2. № 81. С. 176.
- ¹³⁰ Отдельная книга г. Путивлю 1594 г. — РГАДА. Ф. 1209. Кн. 367; Росписной список г. Путивля 1626 г. — РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. № 38; Строельная книга Путивля 1677 г. — РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-Ж. № 362. Л. 63; Сметная книга Путивля и его пригородов 1684 г. — РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-А. № 80.
- ¹³¹ Сб. РИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 146; Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. М. 1967. С. 73-74.
- ¹³² Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху XV железа // МИА. № 104. М.; Л., 1961. С. 217; Березовец Д. Т. Северяне (перед образованием Киевской Руси). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969. С. 19-23.
- ¹³³ Акты Московского государства (далее АМГ). Т. 1. СПб., 1890. С. 5-6.
- ¹³⁴ Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974. С. 36, 126.
- ¹³⁵ АМГ. Т. 1. С. 5-6.
- ¹³⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее Акты исторические). Т. 1. СПб., 1841. № 228. С. 433-434.
- * Ухожьи (ухожей) — участок, сдаваемый государством в аренду на несколько лет для сбора меда диких пчел, добычи пушных зверей, рыбной ловли.
- ¹³⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Л. 68, 129-133; Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. С. 81-83.
- ¹³⁸ Акты исторические. Т. 1. № 228. С. 433.
- ¹³⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Лл. 67-70, 83-85, 104-106, 108, 117, 118-122, 128 об., 169 об.; Бантыш-Каменский Д. Н. Переписка между Россией и Польшею по 1700 г. Ч. 1-3. М., 1862. С. 32-33, 77-78; Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. С. 63, 73-74, 80-86.
- ¹⁴⁰ Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. С. 18.
- ¹⁴¹ Сб. РИО. Т. 137. М., 1912. С. 259.
- ¹⁴² АЮЗР. Т. 1. С. 103.
- ¹⁴³ Материалы по истории землевладения князей Вишневецких в Левобережной Украине. Сообщил Ф. Д. Николайчик // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца (далее ЧИОНЛ). 1900. Кн. 14. Вып. 2. С. 104.
- ¹⁴⁴ Материалы для истории казацкого землевладения (1494-1668 гг.) // ЧИОНЛ. 1894. Кн. 8. Отд. 3. С. 11-13; АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 316.

- ¹⁴⁵ АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 90; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 563. Л. 15 об.
- ¹⁴⁶ Повести о Куликовской битве. М., 1953. С. 93.
- ¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Лл. 54-54 об., 67 об. -69, 136, 144 и др.; Там же. Ф. 1209. Кн. 367, 368, 10554, 10555; Анпилогов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник.
- ¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 563. Л. 11 об.
- ¹⁴⁹ Материалы по истории землевладения князей Вишневецких в Левобережной Украине. С. 86.
- ¹⁵⁰ Акты ЮЗР. Т. 3. № 113. С. 111; № 125. С. 120.
- ¹⁵¹ Акты Западной России. Т. 2. № 25. С. 27; № 31. С. 37.
- ¹⁵² Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья: Роменская культура и её предшественники. С. 126.
- ¹⁵³ Куза А. В. Новгород-Северский — стольный град Игоря Святославича // Новгороду-Северскому — 1000 лет: Тезисы докладов обл. науч. -практ. конференции. Чернигов; Новгород-Северский, 1989. С. 21.
- ¹⁵⁴ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Ст. 333, 334.
- ¹⁵⁵ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 57, 734-735, 753-754; Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 314. С. 123; № 385. С. 153; Вып. 2. № 437. С. 6.
- ¹⁵⁶ Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России, из частей коей оное наместничество составлено, сочиненное в Чернигове 1786 г. Киев, 1851. С. 154-155; Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 30-31, 50.
- ¹⁵⁷ Цит. по: Александрович М. Н. Остерский уезд. Киев, 1881. С. 9-10.
- ¹⁵⁸ Багалей Д. И. Займанщина в Левобережной Украине // Киевская старина. 1883. № 11. С. 560-561; Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 179.
- ¹⁵⁹ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1. С. 722.
- ¹⁶⁰ Грушевський М. Історія України-Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 6: Життя економічне, культурне, національне XIV-XVII віків. С. 146.
- ¹⁶¹ Шеламанова Н. Б. Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии России XVI века: (По материалам фонда Сношений России с Польшей ЦГАДА) // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 49.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 27. Ст. 53, 645, 725, 754, 768; Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 314. С. 123; № 385. С. 153; Там же. Вып. 2. № 434. С. 4; № 437. С. 6.
- ¹⁶⁴ Путевые заметки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873. С. 15.
- ¹⁶⁵ Акты исторические. Т. 1. С. 133.

* В то время к г. Каневу относились значительные пространства на Левобережье по рекам Супою и вплоть до Удая и Сулы, а это уже Северские земли.

¹⁶⁶ АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 97-98.

¹⁶⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 140.

¹⁶⁸ Анпилогов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник. С. 157.

¹⁶⁹ Беляева С. А. Указ. соч. С. 52-55, 92.

¹⁷⁰ Анпилогов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник. С. 156-162; Коткова Н. С. Название русских бортных знамен — историко-лингвистический источник // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 120-133.

¹⁷¹ Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 316.

¹⁷² Горюнов Е. А. К истории Днепровского Левобережья в середине и третьей четверти 1 тысячелетия н. э. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1977. С. 9-10.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 1. С. 58; Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов. Т. П. Киев, 1846, отдел второй; Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти Ольгерда // Монографии по истории Западной России. Т. 1. Киев, 1885. С. 62; АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 596-597.

¹⁷⁴ Герберштейн С. Указ. соч. С. 140-141.

¹⁷⁵ Опис Новгород-Сіверського намісництва (1779-1781). Київ, 1931. С. 39.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 133 об.; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 399, 725, 735, 754, 769.

¹⁷⁷ Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Вып. 2. С. 8.

¹⁷⁸ АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 596.

¹⁷⁹ Беляева С. А. Указ. соч. С. 56-57.

¹⁸⁰ Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. С. 101, 122, 123.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 367; Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. С. 300-305.

¹⁸² Там же. С. 114-115.

¹⁸³ Россия и мир: Учебная книга по истории. М., 1994. Ч. 1. С. 91-92.

¹⁸⁴ Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 25-31.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 367. Лл. 287-296.

¹⁸⁶ Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Этнические процессы как предмет исследования // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 14.

¹⁸⁷ Материалы для истории г. Харькова в XVII в. Харьков, 1905. С. 9.

¹⁸⁸ Юркевич В. Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Богдана Хмельницького. Київ, 1932. С. 8 (примечание); Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII-XVIII вв. Харьков, 1964. С. 51.

¹⁸⁹ Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воро-

нежской губерний) в XVI-XVIII столетиях. Т. 1-2. Харьков, 1886-1890. Т. 1. № 8. С. 19-21.

¹⁹⁰ Там же. № 25, 30 и др.

¹⁹¹ Слюсарский А. Г. Указ. соч. С. 51.

¹⁹² Романовский В. А. Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII-XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963. С. 187.

¹⁹³ Бодянский О. Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора. М., 1875. С. XXIII; Шевченко Ф. П. Реестр війська запорізького 1649 р. — джерело історії козацтва на Україні // Історичні джерела та їх використання. Вип. 2. Київ, 1966. С. 31.

¹⁹⁴ Попова Л. А., Ревнивцева К. Г. Генеральный опис Лівобережної України 1765-1769 рр. Показчик населенних пунктів. Київ, 1959.

¹⁹⁵ Список населенных мест Черниговской губернии, имеющих не менее 10-ти жителей по данным за 1892 год. Чернигов, 1892. С. 76.

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Отказная книга № 15820. Лл. 408-411.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 31. Лл. 589-594.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ч. 5. Лл. 3-4 с об.; Ф. 248. Оп. 80. Д. 6597. Ч. 1. Л.

24.

¹⁹⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 21752 (карты).

²⁰⁰ АМГ. Т. 1. С. 68, 74.

²⁰¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. № 13. Лл. 111-113.

²⁰² Там же. Оп. 8. № 66.

²⁰³ Грушевський М. С. Історія України-Русі. Т. УП. С. 473.

²⁰⁴ Багалеј Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. 1. С. 339-340.

²⁰⁵ Денисевич В. Г. К истории диалектных слов, употребляемых в говорах Курско-Белгородского края // Известия Воронежского гос. пед. Института. Т. 68. Воронеж, 1969. С. 184-188.

²⁰⁶ Романовський В. О. Переписні книги 1666 р. Київ, 1933. — Списки жителей Батуриного, Бахмачевского, Конотопского и Новомлынського уездов за 1666 г. — Сс. 19, 20, 24, 28, 29, 30, 39, 45, 48, 52, 54, 56, 57, 58.

²⁰⁷ Русина О. В. Указ. соч. С. 47.

²⁰⁸ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 151.

²⁰⁹ Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 10-11.

²¹⁰ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. С. 159.

²¹¹ Там же. С. 151.

Оглавление

Введение	3
Раздел 1. Северская земля в составе Великого княжества Литовского	7
Раздел 2. Севрюки	21
Заключение	35
Библиографические ссылки	36

Нела Михайловна Багновская
Севрюки:
население Северной земли в XIV—XVI вв.

Научное издание

Лицензия ЛР № 03859 от 30 января 2001 г.
Подписано в печать 14.01.02.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 3,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 34

Издательство «Палеотип»
125167, Москва, Ленинградский пр., д. 54а, кв. 43
Тел./факс: (095) 151-74-01